

НАШИ • ТАМ

The poster features a central figure, Nikolai Nemtsov, with a beard and long hair, wearing a white shirt and dark overalls. He is holding a knife in his right hand and gesturing with his left. In the background, there are two large, stone, mummy-like statues. To the left, a woman in a white dress is running through tall grass. In the foreground, there is a fire burning in a metal container. The sky is dark and cloudy, with a bright light source on the left. The overall tone is dramatic and mysterious.

НИКОЛАЙ НЕМЬТОВ
КУРГАННИК

Наши там (Центрполиграф)

Николай Немытов

Курганник

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Немытов Н. В.

Курганник / Н. В. Немытов — «Центрполиграф», 2019 — (Наши там (Центрполиграф))

ISBN 978-5-227-08504-7

Курганник – степная птица. Курганник – вор, грабящий захоронения. Курганником в селе Гостра Могила зовут кузнеца Макара Зотова. Про него ходит много небылиц: знает Макар, где спрятал свое сокровище помещик Шпарь, якшается он со Степной Хозяйкой, водит за собой волчью стаю, вожака которой убил... Когда в село приезжает Виктор, старый друг Макара, становится ясно, что не все байки о Курганнике – выдумка. Что лежит в кургане Рытом? Где местные конокрады берут лошадей? Куда исчезает сельский дурачок Волоха? Кто гуляет ночами на склонах кургана: Степная Хозяйка или сельская ведьма? Спросите Курганника, и он ответит – если, конечно, вы хотите узнать правду...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08504-7

© Немытов Н. В., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Раскаленная степь	8
Глава 1. Все дороги ведут...	8
Глава 2. Песчаная воронка	14
Глава 3. Гостра Могила	17
Глава 4. Лиза	23
Глава 5. Кузнец	27
Глава 6. Ганс Спиридоныч Андерсен	34
Глава 7. Вечер обещал быть томным	38
Глава 8. «Баробаро!»	46
Глава 9. Грифон	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Николай Немытов

Курганник

© Немытов Н. В., 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

© «Центрполиграф», 2019

* * *

Пролог

Клинок медленно остывал. Темнота легла на кромку лезвия, будто окружающие сумерки проникли в саму сталь и постепенно просачивались в нее, жадно поглощая малиновый свет. Очень скоро можно было лишь угадать густо-малиновый отблеск в глубине металла. Кузнец рассек клинком воздух, прислушиваясь к звуку, поднес его к лицу. Наборное лезвие будто вновь обрело силу, глубинный огонь на мгновение вспыхнул, и три «креста», три слоя стали четко обозначились.

Как и было задумано. Теперь следует остудить клинок на воздухе, довести лезвие и сделать рукоять – кузнец держал будущий ятаган за хвостовик, обмотанный тряпкой. Усталость навалилась на плечи, высыхающий пот стянул кожу. После нескольких часов, проведенных у горящего горна, жаркая августовская ночь казалась прохладным родником, омывающим тело.

– Что-то мы сегодня загуляли, – пробормотал мастер, оглядывая сонную округу.

Время длилось к полуночи, в селе гасли окна, лениво тявкали собаки, и с гулким эхом проносились по далекой трассе запоздалые машины. Тьма вступала в свои права.

Кузнец взглянул на россыпь звезд над головой, улыбнулся. Хватило сил проработать весь день, чтобы довести, наконец, клинок до ума. Не первый, не последний. Отковав однажды хороший ятаган, мастер принялся пробовать новое сочетание сталей, закалок, форм лезвий и заточки режущих кромок. Были неудачи, но из нескольких поделок получилось два отличных клинка. Второй он сейчас держал в руках.

Мастер повернулся к двери кузницы и замер – что-то с треском порвалось, будто силач рванул старый брезент. Послышалось или нет? После звона наковальни и стука молота в ушах еще немного звенело.

Звук повторился, и вокруг кузнеца стала сгущаться тьма. Во время работы он не включал в кузнице свет, чтобы было хорошо видно нагрев заготовки, а теперь и вовсе воцарился эбонитовый мрак. Еще горячие угли налились алым, и кажется, не огонь это вовсе, а злые глазки смотрят на мастера, оценивают, пылающий рот растягивается в усмешке.

Кузнец хотел вздохнуть, но грудь сдавило то ли от нахлынувшего страха, то ли накрывший с головой пронзительный холод не давал двинуться с места. Пространство сжалось до размеров сердца в груди, нахлынувшее вдруг отчаяние готово было перерасти в панику, рот открылся для крика...

Вновь треснуло. Кузнец оглянулся – еле смог повернуть голову, мышцы одеревенели. В густой тьме за дорогой, разрывая степной дерн, поднимались тени. Алые огни бродили по их силуэтам, открывались горящие красным глаза. Нежить оглядывалась, словно кого-то искала, а завидев кузнеца, двинулась к нему. С расстояния трех шагов мастер смог рассмотреть: скелеты, переплетенные травой, сыпля комьями земли, топали на сгнивших ногах, как на ходулях. Но страшили не сами костяки, а те злые алые глазки, глядящие на кузнеца из старых черепов, мелькающие среди проломленных ребер.

Запах тлена и пыльной разогретой под летним солнцем земли коснулся ноздрей мастера, однако отступить не было возможности. В черепе скелета противно захихикали, наслаждаясь властью над живым человеком, костлявые пальцы схватились за клинок в руках кузнеца, рванули на себя... Трухлявые кости осыпались наземь. Скелет упрямо потянулся к клинку другой конечностью.

В минуты страха, когда ледяной ужас охватывает тело, когда мрак старается подчинить тебя, нельзя сжиматься. Иначе холод проникнет в твое сердце, помутит разум, заставит в панике бежать в поисках укрытия... навстречу гибели. Откройся, стань крепче на ноги, расширь пространство вокруг себя силой воображения, какие бы страшные картины ни рисовал соперник-страх.

Кузнец вспомнил слова своего деда, представил его под цветущей вишней в саду и усмехнулся, глубоко вздохнул. Легкие судорожно приняли воздух – тлен и пыль, но это земля, на которой родился и жил мастер. Он вздохнул еще и еще, медленно поднял клинок и коснулся им левой ладони, обнял пальцами. Сталь еще хранила жар горна. Этот жар поднялся по предплечью к сердцу, горячей волной окатил тело, ударил в голову, и кузнец закричал, чувствуя прилив вернувшихся сил.

Темная мгла отпрянула, мрак растворился в звездном небе. Кузнец встряхнулся, отгоняя наваждение.

– Брысь отсюда! – гаркнул он окружившим его скелетам, обретая прежнюю отвагу.

Алые глазки растерянно моргнули, что-то зашуршало, завозилось под трухлявыми ребрами. Нежить двинулась на мастера, не желая признавать поражение.

– Как хотите, – пробормотал кузнец, подныривая под поднятую конечность.

Удар в плечо – хруст, костяк упал и рассыпался. Комки травы – или нежить степная? – испуганно бросились в стороны. Остальные не сдавались, но тоже получили хороший отпор – кости, комья земли летели в разные стороны.

Дерн порвался вновь. Из земли подымался голем: выше человека на голову, кости увиты травой, острые когти на длинных конечностях. Кузнец увернулся от удара, нанес удар в ответ. Если костяк и был трухлявым, то травяной покров и туго сплетенные корни хорошо защищали его.

Кузнец пропустил толчок в грудь, едва не упал на спину, отскочил в сторону и поднял клинок. До этого мастер не применял оружие, оберегал его – неостывший металл мог искриться от ударов, кромка притупиться.

– Ладно, – пробормотал человек. – Значит, по-хорошему не будет.

Опустился на колено и произнес:

– Господи! Иже многою твоею благодатью и великими щедротами твоими дал ты мне мимошедшее время ночи сея без напасти прейти от всякого зла противна. – Молитва Макария Великого пошла напевом сама собой: – Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа! Аминь!

К кому еще обратиться человеку, если нечисть насаждает, а товарищей рядом нет?

Кузнец покрепче взялся за хвостовик и, поднимаясь с колена, ударил снизу вверх. Голем шарахнулся, попятился, однако человек напирал. Вот левая конечность чудища полетела в сторону, вот правая упала под ноги. А вот и сами степные нечестивые бросились врассыпную, оставив костяк под градом ударов стального клинка.

Голем упал в траву, кости рассыпались прахом. Меж стеблей мелькнули алые глазки, но уже не злые, испуганные.

Мастер топнул ногой, прогоняя нечисть, перевел дух. Мозолистой ладонью провел по лезвию, проверяя, нет ли повреждений, и остался доволен.

– Эх, погуляли, – улыбаясь, пробормотал кузнец.

Часть первая. Раскаленная степь

Глава 1. Все дороги ведут...

*Беспамятная ночь угрюма и чиста.
Пришла пора бежать из дома
и из плена.*

Янина Грошева

Слева ярко-голубым вспыхнул дорожный указатель. Четко проступила белая надпись: «Гостра Могила – 0,5 км». Подчиняясь ритму рок-н-ролла, Виктор Ковалев заложил крутой поворот. Расплата за лихачество пришла незамедлительно: левое переднее колесо резко стукнуло, скрежетнуло днище, следом ударило левое заднее. Машину сильно качнуло, мотор рыкнул, злясь на неожиданное препятствие.

– Приехали, – буркнул Ковалев, запоздало сбрасывая скорость.

Удовольствие от быстрой езды по трассе улетучилось. Теперь автомобиль медленно полз среди ухабов и ям, зияющих в свете фар черными кляксами на пыльном полотне дороги.

Когда машина выбралась на более ровный участок, Виктор на секунду отвлекся – захотелось курить. Но пачка «Кэмел» выпала из рук, соскользнула на пол салона. Ковалев тяжело вздохнул: все одно к одному, одно к одному. Если с утра не сладилось – к ночи не исправится...

Хорошая идея – ехать к другу на ночь глядя – посетила его на кухне за столом. Коньяк к тому времени остался желтым ободком на дне бутылки, от лимона – высохший за день тонкий ломтик. Сигаретный дым плотным облаком висел под потолком, похожий на старую паутину. Самое время проветриться, глотнуть свежего воздуха.

В половину первого ночи Виктор сел за руль. Бордовая «ауди» сотой модели, подчиняясь мимолетному желанию хозяина, пронеслась по железнодорожному мосту, пролетела улицу Кима и, не сбрасывая скорости, выскочила на Евпаторийское шоссе. В новеньком дисковом проигрывателе звучала классическая «Лабу-лабуда» старика Элвиса. Ритм вселил в Виктора чувство беспредельной наглости и безмерной значимости, и машина понеслась в открытом пространстве ночной трассы.

Однако очень скоро порыв угас. Напряжение суматошного дня дало о себе знать: машина убаюкала урчанием двигателя, шелестом шин, комфортным сиденьем. Веки отяжелели, глаза резало, мысли путались в первых бредовых признаках надвигающейся дремы. В пути Виктора спасали сигареты. Да и до села было не так далеко – полчаса хорошей езды, и вот он на месте. Почти.

Надо было закурить.

Пачка сигарет умудрилась нырнуть под сиденье. Придерживая руль, Ковалев пошарил рукой по полке – ничего. Наклонился ниже, сгибаясь в трехпогибельной асане...

По днищу вдруг зашуршало, зашелестело, будто тысяча щеток принялось чистить автомобиль, «сотка» слегка клюнула носом. Ковалев автоматически нажал тормоз, при этом хорошенько приложившись лбом о баранку. С соседнего сиденья с грохотом посыпались банки с пивом, прихваченные в дорогу.

– Да что ж это за хрень! – прорычал Виктор, хватаясь за ушибленное место.

Кое-как разогнулся, что, оказалось, сделать сложнее, чем отправиться на поиски сигарет. От удара усталость обернулась раздражением: все назло! Даже машина сегодня спорит с хозяином. Разразившись проклятиями, Ковалев отхлестал руль ладонями.

Отомстил – немного полегчало. Шипя сквозь зубы, ощупал место ушиба – горячая боль вновь привела в ярость, и на этот раз досталось приборной доске. Виктор вздохнул: нет, не имеет человек права на маленький кусочек счастья, если его с утра раздолбали на работе, жена устроила истерику с показным уходом «к маме», а вирус сожрал отчет в рабочем компьютере. Все не хватало времени на установку защиты. Так бывает: потом, потом – выходит суп с котом. Неприятности цепляются бездомными собаками, грызя измотанные нервы, и никому не придет в голову просто поинтересоваться: а пил ли ты сегодня кофе, Виктор Сергеевич? Как спалось тебе, дорогой? Или еще что-нибудь человеческое в этом роде.

Виктор собрал рассыпанные банки. С жадным желанием открыл одну, обливаясь пеной. Да черт уже с ним! И с тем, что оно, пиво, теплое. Черт с ним! Раз уж так поперло в тартарары – пусть прет дальше. Жаль, нет ствола. Настроение такое, что застрелился бы без сожаления. Только пистолет ночует в гараже, а стреляться лучше на рассвете, как и расстреливать.

В этом тоже не повезло.

Виктор откинулся на спинку кресла, чувствуя тяжесть нахлынувшей усталости.

Пистолет... Стрелять ему пришлось лишь однажды, спасаясь бегством от пацанов другой группировки. Стрелял Витек аж два раза: первый выстрел – с прищуренными от страха глазами – оглушил, пороховой дым полез в нос, заслезились глаза, потому второй выстрел едва не вырвал пистолет из рук. Вспоминать противно.

– Так. Куда же нас занесло?

Он открыл дверцу машины и замер: свежий воздух остудил лицо, а вокруг, сколько хватало взгляда, раскинулась высокая трава. Виктор вдохнул полной грудью, словно глотнул свежей родниковой воды. В порыве блаженства к нему пришли мечты о домике в деревне, о чистом колодце, о саде с красными яблоками...

Ковалев спохватился: еще минуту назад автомобильный кондиционер сражался с духотой и пылью, под колесами хрустели камешки и сухой бурьян, проросший в трещинах старого асфальта. А тут – высоченная трава.

Тихонько звенел сигнал открытой дверцы, гармонично вливаясь в ночную песнь сверчков. Фильтрованный воздух салона стал затхлым, удушливым от ароматизатора и горячей пластмассы.

Ковалев обалдело смотрел на траву, пытаясь осознать происходящее. Дрожащей рукой сорвал пару стеблей, поднес к лицу – зеленые, чего быть не может засушливым летом. Разве что озимые или какие-нибудь яровые на хорошем поливе вымахали.

Виктор порывлся в бардачке между креслами, достал фонарик. Стоило немного разведать дорогу, прежде чем продолжить путь. Кряхтя, выбрался из салона – трава по пояс.

Прощай, летний костюмчик! Брюки станут зелеными, и пиджак можно выбросить следом за ними. В приличном обществе господина Ковалева не поймут, если он будет носить только пиджак от костюма.

Да чего уж теперь. Одно к одному! Одно к одному...

Когда фонарь не зажегся с первого раза, Ковалев вновь пришел в ярость. Он схватил фонарь обеими руками и принялся отчаянно трясти, будто пытался задушить непокорный светильник. Яркий свет ударил в лицо, ослепил. Возникло огромное желание забросить фонарь куда подальше. Трезвая мысль победила: необходимо осмотреться и выбираться отсюда, чем скорее, тем лучше.

– Ни хрена не видно, – пробурчал Ковалев, ожидая, когда глаза отойдут от вспышки.

Позади машины оказалась колея, тянущаяся назад шагов на десять. И все! Дальше трава была нетронутой, словно автомобиль спустился с небес.

– С ума сойти. Не мог же я так далеко заехать...
Где же дорога?!

Ковалев, позабыв про брюки и туфли, путаясь в сочных высоких стеблях, прошел по следу машины – от дороги ни следа, ни намек. Не хватало чего-то еще, чего-то весьма важного. Виктор повел лучом фонаря вокруг, пытаясь понять причину тревоги, но понимание ускользало от него, подобно ночной тени. Тогда он выключил свет и прислушался, до рези в глазах всматриваясь во тьму.

Тишина, нарушаемая только гулом мотора. Темная глубина неба. Дрожащие звезды. Сверчки скрипят свои однообразные песенки. Никаких признаков жизни. Ни огонька, ни запоздалой машины, идущей по трассе, с которой он только что свернул. Ни-че-го! Сама деревня будто растворилась во тьме тьмущей.

– Полные кранты, – сдавленно прошептал Ковалев.

В голову пришла смутная догадка. Он схватился за мобилку, как за соломинку. Однако телефон не отреагировал на нажатие клавиш. На таком удалении от города связи, понятное дело, никакой, но по меньшей мере экран-то должен засветиться. Значит, села батарейка.

– Жил в одном городе маленький черный гробик мобильной связи, – пробормотал Ковалев, взвешивая на ладони бесполезную «Нокию». – Ну и ладно.

Устало доплелся до машины и хлопнулся на сиденье. С тоской осмотрел испачканные травой брюки и туфли. Злиться не было уже сил. Тяжело вздохнул: курить, надо закурить.

Проклятая пачка лежала на полке на самом видном месте. «Кэмел» – возьми с собой в дорогу! В рекламе сигарет крепкие мужики то падали в воду, то сражались с питонами в джунглях – приключения что надо! Ерунда. Вы попробуйте ночью приехать в деревню и найти дорогу! Круче любого сафари будет.

Виктор достал наконец злополучную пачку, извлек сигарету.

– Да-а, – многозначительно произнес он. – Такой хрени еще не случалось с вами, Виктор Сергеевич.

Табачный дым привел его в чувство. Спокойное урчание мотора вернуло душевное равновесие, уют салона отогнал тревоги.

– А что, собственно?.. Ночь теплая, есть не хочу, пить тоже, – он хлебнул пивка, – не хочу.

Сигареты есть, только устал, как собака, надо выспаться. А утречком спокойненько доедем. Если есть указатель, значит, есть деревня. А деревня – это Зот, а Зот – это хорошая компания.

– А хорошая компания... – Виктор цокнул языком, изображая открывающуюся бутылку. – По-моему, так. Кто ходит в гости по утрам? Там-барам, барам-тарам! – и заключил: – В общем, мудро.

Радио не работало: FM-каналы отвечали треском и шипением. Уже ничему не удивляясь, Ковалев выключил двигатель, послал аудиодиск в проигрыватель и удобнее устроился в кресле.

Максим Леонидов тоже, видимо, когда-то пережил крушение любви. Хотя черт их знает, певцов да артистов. За что у них ни возьмись – пиар: черный пиар, голубой пиар, розовый. Один беспросветный пиар, никакой личной жизни.

Композитор! А ну, сделай так, чтобы душа сначала свернулась, а потом опять развернулась!

От Питера до Москвы
Вези меня, тепловоз.
От Питера до Москвы
Бутылка да стук колес.
На будущем – пелена,
На прошлом – туман с Невы... —

терзал душу певец.

Сквозь мурлыканье тихой мелодии до Виктора долетел посторонний звук. Он прислушался, уменьшил громкость, потом вовсе поставил на паузу. На какое-то мгновение воцарилась полная тишина.

Впереди зашуршало, легкая волна прошла по траве. Виктор включил дальний свет.

Испуганно заржали лошади. Одна стала на дыбы, едва не скинув всадника. Кто-то закричал на незнакомом языке. Лобовое стекло с треском лопнуло, стеклянное крошево ударило в лицо, при этом что-то со свистом ожгло, дернуло правую щеку. Виктор вскрикнул от неожиданной боли, нырнул под приборную доску. Еще дважды треснуло стекло. Ковалев осторожно повернул голову и опешил: из спинки кресла торчало два оперенных прутика.

Господи! Стрелы, что ли?! Что за кошмар?! Что за бред?!

Два раза ударило по капоту. Снова отрывисто воскликнули на чужом языке. Забытое чувство – выжить любой ценой, – притупленное сытой жизнью, подхлестнуло лучше плети. Не медля ни секунды, Ковалев ужом выскользнул в высокую траву, успев схватить фонарь.

Неплохо было бы вооружиться, но инструмент лежал в багажнике. А пистолет спрятан в один из многочисленных ящиков в гараже. Уж и заржавел, наверно.

Виктор оглянулся: в свете задних габаритных огней темно-красными силуэтами маячили всадники. Обложили! Путь к багажнику перекрыт, оставалась одна дорога – в степь. И Ковалев бросился прочь от машины.

Вильнул в сторону, припал к земле, пополз, откатился и, вскочив на ноги, побежал дальше. Его маневр увенчался успехом – стрелы просвистели мимо, однако слишком близко. Слишком...

– Вот гады! – прошипел Ковалев, опять прижавшись к земле. – Ничего себе ночная прогулочка!

Перекатился. Перебежал... Земля ушла из-под ног. От неожиданности вскрикнул, попытался схватиться за край обрыва – пальцы едва коснулись острого каменного края, упругие стебли травы оцекотали ладонь. Он пролетел метра три, не осознавая, где верх, где низ, и кубарем покатился по склону. Звездное небо не один раз мелькнуло перед глазами, земля ударила в пятки, колени едва не вышибли зубы. Спружинившие ноги бросили тело вперед на колючки сухой травы.

Тьма сгустилась, отчего головокружение усилилось. Виктор пошевелился, ощупал пространство вокруг. Он лежал на животе, жесткая трава колола лицо, руки-ноги вроде целы, раненая щека горит, дергает. Со стоном перевернулся на спину, сел и отплевался. Хотел отряхнуться, да попал по ушибленному плечу.

– Вот повезло-то, а?! – По спине будто танк проехал. – Мама родная... Во повезло-о...

Он прыснул смехом и тут же расхохотался. Вспомнив о погоне, зажал ладонью рот, но смех не оставлял его. Плотно прижимая к губам грязную ладонь, Ковалев хохотал, кашляя сквозь пальцы. Приступ истерики закончился слезами отчаяния. Сбивая кулаки, он колотил по земле что есть мочи, рыча и проклиная себя, жену-суку, начальника-урода, придурков на конях.

Потом отдышался, огляделся. Справа-слева кустарник с серой листвой, выше через черную кромку оврага подмигивают звезды. Противоположный берег показался Виктору более пологим, и он осторожно покарабкался вверх, цепляясь за корни кустов, затаиваясь при каждом звуке.

Со степью что-то было не так. Присев на корточки, Ковалев прислушался – прежняя сверчковая тишина. Он приподнялся, огляделся: сухие пучки травы вениками торчат из земли, темные остовы колючек то здесь, то там гротескными чудовищами поднимаются к трепещущим

звездам. Овраги и балки, заросшие все тем же серым кустарником, изрезали эту землю вдоль и поперек. От травяного моря не осталось даже следа.

Неприятно сжало низ живота. По трассе медленно проползла фура, украшенная гирляндами габаритных лампочек. Но минуту назад дороги не было. Чертовщина!

На той стороне оврага никакого движения. Всадники, похоже, исчезли с травой вместе. Однако машины тоже нигде не видно, а ведь Виктор оставил фары включенными, дверцу – открытой, и в салоне горел свет.

Вот это номер! Угнали родимую авдюшку, «соточку» любимую. Угнали, пока он кувыр-кался в траве. И чего удумали: лук, стрелы! Тьфу! Деревня! Хотя, надо признать, эффект внезапности был ошеломляющим. Только зачем лобовое стекло разбивать? Уроды! На запчасти пустят. Тьфу!

Ковалев замер, присел. На грани слуха родился новый звук. Виктор повернулся вправо, пытаясь уловить направление. Звук повел себя странно: он возник за спиной, переместился левее, глухим эхом поднялся со дна оврага, откуда Ковалев только что выбрался. Холодок ледяными лапками пробежался по спине, а звук превратился в тихий плач, идущий от кромки оврага левее Виктора. Кто-то жалобно всхлипывал, сетуя на судьбу.

Возникло острое желание сесть рядом и пореветь в два горла. Однако Ковалев, чувствуя стыд за свои бессильные слезы, старался забыть о минутной слабости. Другое дело – мужик все-таки – помочь ближнему. Может, этот ближний покажет дорогу в село.

Осторожно ступая, Виктор подкрался к стенающему. Мужчина в светлой порванной футболке и темных брюках сидел на краю оврага. Ковалев не мог разобрать ни одного слова из тех «гы-ы-ыр» и «хры-ы-ыр», что долетели до его слуха. Смутное нехорошее предчувствие сдавило грудь – Виктор старался меньше шуметь, невольно задерживая дыхание.

Рыдающий почувствовал его присутствие. Смолк, замер, выпрямив спину, и неожиданно обернулся. Широко раскрытые безумные глаза оказались у самого лица Ковалева. Незнакомец вскрикнул, брызгая слюной в лицо Виктору, скрюченные пальцы безумца вцепились в горло. Ковалев похолодел, узнавая в нападающем себя самого: волосы растрепаны, одежда – сплошные лохмотья и порез! Порез на правой щеке от бандитской стрелы!

Инстинкт самосохранения заставил тело вспомнить, чему его когда-то учили. Виктор ударил снизу вверх, разрывая хватку безумца, и толкнул его прочь от себя, налегая всем телом. Не удержавшись, Ковалев упал на колени, жадно хватая ртом воздух. Напавший отшатнулся к краю оврага, но остался на ногах. Оскалившись, он готовился вновь прыгнуть на противника, – или добычу? – у которого не осталось сил для новой схватки с самим собой! Не усталость, но ужас заставил тело оцепенеть, руки и ноги не слушались.

Окружающая картина изменилась в мгновение ока: серая пелена тумана возникла за спиной призрака и накрыла обоих своим покрывалом.

Яркий свет ослепил. Виктор от неожиданности упал – соленая вода ударила в лицо, пальцы зарылись в песок. Вскочил как ошпаренный – еще не хватало утонуть! Оказалось, неглубоко, ноги быстро обрели опору. Перед глазами расплывались цветные пятна, влажным горячим воздухом было трудно дышать, намокшая одежда противно липла к телу. Кровь тяжелым молотом стучала в ушах.

Виктор прикрыл ладонью слезящиеся глаза, постепенно привыкая к яркому свету, огляделся. Он стоял по колено в воде – вокруг него простиралось неведомое море. Справа вдаль темнели горы. Танцующее горячее марево искажало их контуры, создавая впечатление парящего в воздухе острова.

Ковалев оглянулся, отступил назад. Показалось, что огромное черное чудовище, изогнув спину, спешит к нему по водной глади. Но черная глыба, украшенная острым гребнем, не двигалась, и Виктор понял, что это всего лишь причудливая скала, поднимающаяся над водной поверхностью.

В следующий момент он невольно вскрикнул, когда нечто шевелящееся коснулось его ноги. Членистое тело размером с подошву ботинка ткнулось в щиколотку, шевеля усами или чего там у него, обошло препятствие и двинулось дальше. Все мелководье кишело этими членистыми тварями разных расцветок, размеров и форм сегментных панцирей. У Виктора невольно отвисла челюсть, когда он увидел тварь с выпуклыми глазами, носом и открытым ртом, очень напоминающими человеческие.

– Твою мать, ты пришелец, что ли?

Существо не удостоило его ответом.

Надо было выбираться из воды. Кто знает этих огромных мокриц! Может, они на завтрак предпочитают менеджеров?

Виктор побрел к черной скале и не заметил, как сзади на него быстро надвигается стена густого марева.

Глава 2. Песчаная воронка

*Вот холм сомнительный, подобный вздутым
ребрам.*

*Чей согнутый хребет порос как шерстью чобром?
Кто этих мест жилец: чудовище? титан?*

Максимилиан Волошин. Киммерийские сумерки

Где-то далеко прокричал петух: пришло время самого глубокого сна и первой рассветной песни. Через минуту-другую крик повторился – молчание было ему ответом. Ничто больше не потревожило сырых от росы сумерек. Тогда неугомонная птица прокричала в третий раз, неистово, сильнее прежнего, выкладываясь в этом порыве полностью. Звук повис в сыром воздухе, замер на последней ноте, и тут подмога не заставила себя ждать: на противоположном конце деревни запевале ответила другая птица, потом третья, еще одна и еще. Наконец, перебывая друг друга, петухи устроили утреннее состязание.

Мир дрогнул, очнулся от глубокой темной дремоты. Низко стелясь над сухими стеблями сухой травы, по степи пронесся ветерок. Мир преобразился, неуловимо меняясь, приобретая привычные для людей черты. Призраки ночи отступили, отступили тревоги и томления, порождаемые тьмой. Все вернулось в привычную колею августовского раннего утра.

Макар Зотов приподнялся, осмотрел округу. Дыхание ночи исчезло не сразу. Оно, словно горячее марево, искажало окрестности, создавая двойники и фантомы. Даже курганов некоторое время было два: видение прошлого, украшенное каменной стелой, маячило растянутым миражом над курганом Рытый, лишенным каменного изваяния. Смена миров длилась несколько секунд, и у Макара захватило дух от этого зрелища. Он ощутил приступ тоски, отчаяния, когда мираж стал растворяться, истончаться, проваливаясь то ли в иновремение, то ли в иномирье – за ту грань, куда человеку ступить невозможно, но так желанно и любопытно.

Наконец видение исчезло. Степь стала прежней унылой равниной под мутной пеленой предрассветных небес, изрезанной морщинами балок и оврагов. Серый туман лежал в них, путался среди высокой травы, но еще не поднялся выше пояса.

Зотов устало побрел к рукотворному холму, плывущему в туманном море. Балка у подножия кургана превратилась в дымящуюся реку, при виде которой любого, увидевшего посреди степи такое чудо, охватывала оторопь. Казалось, ступи в нее – и тут же беззвучно возникнет ладья Харона, и перевозчик протянет к тебе свою костлявую ладонь за двухмонетной данью.

Макар передернул плечами. Когда вокруг глухо и неясно, то лучше не предаваться таким размышлениям. Он понимал, что бояться уже нечего, но, окунаясь в туман, все же потянул ятаган из заплечных ножен – туманы Шпаревой балки иногда таят смертельную опасность. Осторожно ступая, Зотов прошел по дну к противоположному берегу и стал подниматься.

По расчетам, пора было бы вынырнуть из тумана, увидеть вершину холма, однако, перевалив через край балки, Макар все еще брел в непроглядном молоке. Пот холодной каплей пробежал меж лопаток, капля влаги упала со лба на нос, щекоча ноздри. Зотов присел, прислушался, а потом быстро прошел вверх по склону и вынырнул из мглы у самой вершины.

Ничего страшного не произошло. Просто налетевшим порывом ветра туман выплеснуло на курган, в эту прибойную волну и попал Макар.

Он огляделся. В селе гавкали собаки. Их лай немного успокоил, и все же не следовало расслабляться до тех пор, пока солнце не войдет в полные свои права и не разгонит туманные сумерки.

Синяя тетрадь:

«Название свое Рытый курган получил из-за воронки на вершине. О яме этой рассказывают разное. В нашей семье Зотовых есть свое предание, связанное с курганом. Мой прадед Илья был совсем молодым, когда со своими товарищами попытался достать скифские сокровища из могильника. Копали целый день, а под утро яма землей заросла. Поначалу стухнули: колдовство, не иначе. Посовещались малость и решили копать день и ночь, покуда не доберутся до сокровищ: может, курган при людях осыпаться не станет.

Коварный холм новое коленце выкинул.

Земля копалась хорошо, и к вечеру яма была в полтора человеческих роста. Тут-то грунт и пошел потоком назад. Из всех удалцов только Илья жив остался: он на вершине раскопа стоял и успел отпрыгнуть. Мама рассказывала, что земля зыбкой стала, водой потекла в недра коварного холма. Горемыки, которые в яме были, даже крикнуть не успели.

Потом здесь дважды копали археологи. Первую экспедицию в 1926 году якобы перебила не то банда белогвардейцев-врангелевцев, не то ватага белоказаков. Прятались бандиты якобы в подземелье, что связано с курганом тайными ходами. Археологи, мол, вскрыли те ходы, а ночью белогвардейцы вырезали всех до одного.

Вторая экспедиция пришлось на время развала Советского Союза. Приезжали люди из Симферополя, толкались в деревне, ходили к кургану, даже брались копать, но вскоре все затихло: техника у кургана не развернется, а вручную копать не стали. Так и остался курган рытым, с небольшой воронкой на самой макушке – то ли снаряд во время войны угодил (болтают и такое), то ли след от археологов остался».

Макар осторожно подошел к краю ямы. Воронка была неглубокой, почти правильной конической формы. Такие образуются, когда нечто сыпучее проваливается в полость. Длинные плети порея оплели стены ямы, но глубоко не укоренились.

Зотов поднял полог травы и ткнул в землю ятаганом. Песок. Речной песок. Макар усмехнулся, сделал шаг и вновь ткнул оружием в яму, проверил грунт вокруг себя – довольно твердо. Однако, чем дальше он продвигался к центру, тем сыпучее и суше становился грунт. Если по краям ямы плети травы корнями еще как-то скрепляли стены, то в середине они были совсем слабыми и просто лежали на поверхности. Зотов сделал еще один маленький шажок. Центр ямы оказался прямо перед ним на расстоянии вытянутой руки. Поразмыслив, Макар с размаха вонзил клинок ятагана в воронку. Ничего не произошло, но, когда он потянул оружие на себя, песок пришел в движение, бойко потек из-под ног в образовавшуюся «рану». Зотов быстро отскочил назад, чувствуя, как грунт увлекает его за собой, не выдерживая массы. Макар упал на спину, перевернулся на живот и пополз по-пластунски, пока совсем не выбрался из коварной ямы.

– Нормально, – пробормотал он, садясь на землю, чтобы перевести дух.

Туман поднялся к небу и скрыл весь белый свет молоком. Макар быстро промок, от футболки повалил пар. Он опустился на колени, сел на пятки, руки ладонями вверх легли на бедра. Глаза закрылись сами собой. Его душа обьяла окружающий мир и растворилась в нем, легла под сухой дерн, устремилась в пелену туманного небосклона.

Синяя тетрадь:

«Рабочий землекоп Петренко был ранен в ногу стрелой! – писал один из участников экспедиции в своем дневнике. – Я бы решил, что это скифская стрела, не будь она такой новой. Мы явно кому-то мешаем, и этот кто-то весьма хитер и образован. Он хочет, чтобы мы поверили в проклятие кургана, если взялся мастерить такие стрелы. Наш руководитель в растерянности».

Дальше: «Проездом был Игнатий Яковлевич. С его специализацией на нашем раскопе делать нечего. Мы славно провели вечер, слушая рассказы о московских подземельях, и поутру Игнатий Яковлевич отправился далее в Симферополь. О том, что якобы мы нашли подземелье в кургане – досужие рассказы местных».

Мне повезло с дневником. Вот что значит – книжный червь! Наша сельская библиотека чего только не хранит. Старую тетрадку археолога сунули в раздел «История – археология». Хотя кто, кроме меня, залезет в эти книги?

Итак: Игнатий Яковлевич. Судя по дневнику, он занимался поисками подземелий – в том была его специализация. В 1926 году это мог быть только один человек – Игнатий Яковлевич Стеллецкий, известный в то время специалист по подземельям. Вопрос: почему местные были уверены, что археологи нашли подземные ходы?

Со слов Спиридоныча, местного старожила (чтоб он был здоров!), известно, что до Великой Отечественной войны на совхозных полях часто находили каменные плиты.

– Сдвинешь такую, а под ней костяк человеческий, казаны, горишки стоят. Старики нам, молодым, тогда еще говорили, мол, то человеческие жертвы, совершенные нехристями, – поведал Спиридоныч таинственным шепотом, дыша убойным перегаром.

Потрепаться о всяких страхах – его хлебом не корми.

Мне сразу стала понятна история с подземельями. Такие захоронения оставила после себя кеми-обинская культура, которая существовала в Крыму во 2-м тысячелетии до нашей эры. Первое нашли при раскопках кургана Кеми-Оба в 1957 году. После подобные могильники были обнаружены едва ли не по всему Старому Свету: в Африке, в Азии и Европе. Четыре стены, составляющие каменный ящик, украшали рисунком из красных, белых и черных полос, причем рисунок каждой могилы дважды не повторялся. Подобным образом украшали стены даже шумеры. Главное: курган Рытый под Гострой Могилой некогда являлся центром целого сакрального комплекса».

Очнулся Макар, когда веки залило красным светом, приятное тепло солнечных лучей согрело лицо и живот. Тело с наслаждением потянулось к протаявшей синеве небес, по которым плыли блеклые клочья тумана. Трава, увешенная каплями росы, сверкала мириадами крошечных самоцветов. Радостная сила наполнила душу, заставляя трепетать жилы и мышцы. Макар обнажился до пояса и понесся с кургана вниз, купаясь в холодной росе.

Глава 3. Гостра Могила

*Снова в поле, обвеваем
Легким ветерком.*

Андрей Белый. Деревня

Виктор проснулся от холода. Тело трясло, рубашка и брюки промокли от росы, руки и ноги плохо слушались. Он медленно перекатился на бок, поджал ноги в тщетной попытке согреться. Не помогло. Его начинало корежить – судороги схватывали то икры, то плечи, потому Ковалев снова лег на спину и вытянулся во весь рост. Восходящее солнце немного согрело живот и бедра, но стоило пошевелиться, холодная мокрая одежда противно липла к коже.

Кряхтя, словно глубокий старик, Виктор кое-как поднялся и сел. Августовское солнце, висящее в утренней дымке, ослепило закишие глаза, зато грело сильнее. Ковалев встал на ноги, принялся растирать занемевшие конечности. Зубы громко стучали, норовя прикусить язык. Он попытался сцепить челюсти – начало сводить судорогой мышцы скул.

– Что-о-о за-а-а черт? – Непокорность собственного тела начинала злить.

Ладонями он тщательно растер уши, щеки, шею, потом, дергаясь от дрожи, как марионетка, стал делать зарядку. Во время приседаний сухожилие под левым коленом быстро задеревенело, тупая боль пронзила ногу, икра напряглась. Виктор едва не свалился. Сидя на корточках, стиснув зубы от боли, принялся тщательно чесать задеревеневшую мышцу ногтями, пока судорога не отпустила. Снова поднялся на ноги, отдышался.

Солнце неуклонно делало свое дело – дрожь прошла, рубаха на плечах начала подсыхать. Еще полчаса – и надо будет искать укрытие от солнцепека: август в этом году выдался жаркий.

Виктор прикрыл глаза от яркого утреннего света и огляделся. Метрах в двадцати от него земля полого уходила в овраг, до следующего «берега» было метров двадцать пять, и у самой кромки из-под земли торчали серые зазубренные выступы известняка. Вот откуда Ковалеву пришлось лететь прошлой ночью. Слава богу, о камни не зацепился. Повезло...

Слева в полутора километрах от оврага пролежала трасса, сверкающие на солнце жуки-автомобили уже спешили по своим делам. Виктор хорошо различил и злополучный указатель, и поворот на Гострую Могилу, однако его машины видно не было.

– Чтоб вы провалились, – прошипел Ковалев, в очередной раз проклиная налетчиков.

В селе, расположенном километрах в двух от оврага, пели петухи. Виктор удивился самому себе: вот это драпанул! У страха глаза велики и ноги быстры.

Первым делом Ковалев решил пройти на место преступления, где на него напали всадники. А потом можно будет найти Зота и обратиться к участковому. Машину необходимо найти хотя бы потому, что в пиджаке, оставленном в машине, были документы.

Виктор осторожно подошел к краю оврага, но спуститься в него не решился – пошел в обход к трассе, где ров превращался в глубокую обочину.

Машина пропала. На месте ее Виктор нашел пластмассовый колпак с четырьмя кольцами да колдобину со свежими царапинами – в этом месте авдюшка скрежетнула дном. Ковалев покрутил колпак в руках и с силой запустил его в степь.

– Опаньки! Пошла, родимая! – крикнул кто-то сиплым голосом.

Виктор обернулся на окрик. По старой дороге от трассы катил тарантас, влекомый желтой кобылой. Полуспущенные колеса, которые когда-то принадлежали тракторному прицепу,

хрустели камешками. Управлял этим экипажем старичок в засаленной милицейской рубаше и в серой потрепанной кепочке.

– Здорово, отец! – поприветствовал его Виктор. – До села довезешь?

– Тю! Дык ты ж уже ж вроде как?

– Чего «как»? – не совсем понял тарабарщину возницы Ковалев.

– Да в селе ты уж!

Виктор на ходу присел на плоскую дощатую платформу слева от извозчика:

– Это понятно. Мне бы человека одного отыскать. Поможешь?

Старичок обернулся к пассажиру и, дыхнув убойным перегаром, лукаво улыбнулся:

– Ты шо ж пеши к нам пожаловал, чтоб человека сваго сыскать?

– На машине, – пожал плечами Виктор. – Да только не знал, что у вас тут банда орудует – машины крадет.

Извозчик крикнул, насупился и, отвернувшись, стеганул кобылу:

– Но, Маркитантка! Ить едрить тую дивизию!

– Так что, отец? Поможешь мне человека найти?

– Чё ж не помочь, – пробурчал старик. – Токма кого ж ты шукаешь, сынок?

– Макара Зотова. Знаешь такого?

Спина извозчика выпрямилась. Он качнул головой: «От ешь-трешь!»

– Знаю. Как не знать. Однак Макарку ты шас дома не застанешь. На работе ен.

Старичок принялся еще чего-то объяснять, но Виктор не слушал его треп. «Надо переодеться и помыться, – рассуждал он. – Значит, первым делом к Зоту домой. Хотя нет. Там Клавдия Ивановна, я ее своим видом только перепугаю. И что прикажете делать?»

– М-да, история, – вслух произнес Виктор.

– А я ж тебе чё и говорю! – подхватил старичок.

– Послушайте, отец, вас как зовут? А то нехорошо как-то: едем вместе и еще не познакомились.

– Мене? – Старичок неожиданно растерялся. – А так ить я ж Вадим Спиридоныч Ляпунов, своею персоною. – Он приподнял кепочку, обнажая розовую лысину, и отвесил небольшой поклон.

– Очень приятно. – Ковалев протянул руку. – Виктор Сергеевич Ковалев.

Обменялись кривым рукопожатием – старик сидел спиной к пассажиру.

– А ты ж по какому такому делу к Макарке? – поинтересовался извозчик.

– Мы вместе служили на флоте. Вот решил заехать повидаться.

– Эгеж-эгеж, – пробормотал Спиридоныч.

– Дорога тут у вас – просто жуть.

К тому времени старый асфальт сменился пыльным проселком, на который выходили огороды сельчан. Народ уже вовсю работал на богатых овощами наделах, и Вадим Ляпунов часто приподнимал кепочку, приветствуя односельчан.

– Та какая энто дорога! По ней никто ж не ездить, – ответил Спиридоныч после очередного «доброго здоровьичка!».

– А указатель?

– Де?

– На трассе.

Старик фыркнул:

– И шо, шо указатель? Каки дороги – таки и указатели. Прислали трех дурней тот бисов указатель ставить. Они старый столб корчанули, новый – вкопали. И шо? Тута Катькина верста стояла. Пришли кацапы с красным флагом колгосп строить: версту срыли – указатель поставили. От как пошла та дурь от них, так по сию пору. – Спиридоныч махнул рукой.

Шарабан свернул в проулок, прополз между домами и выкатил на центральную улицу села. Здесь асфальт имел не столь удручающий вид, хотя ухабов хватало.

– От тебе дорога! От самого тракта идти. На ее указатель ставь – не промахнешься, – пояснил возница.

Спиридоныч слегка толкнул Ковалева локтем:

– Он, бач? – Он ткнул толстым пальцем на здание справа от дороги. – Поместье Шпарево. Ране тута правление було, потом клуб соорудили, а теперя бар-шмар... Тьху! Женька под свой магбзин сцапала. Сюды старая дорога шла. Посля переселенцев приперли и дома строили. Знамо дело, улицу провели прям к шасе.

Виктор спохватился:

– Э, погоди, Вадим Спиридоныч. Сигарет хочу купить.

– От и хорошо, – кивнул возница. – Мне тож надо. Баба просила соли узять.

Здание удивило Ковалева своим внешним видом. Широкая лестница вела под центральную арку, справа и слева располагались еще два арочных проема, под которыми стояли пластмассовые столы и стулья. Над всем этим находился балкон, огороженный каменными стойками и гнутыми стальными прутьями.

– А это герб помещика? – спросил Виктор, указывая на украшение над балконной дверью.

Спиридоныч глянул из-под козырька кепки на барельеф и пожал плечами:

– Бис его знает. Може, и помещика. Коммуняки, так те бы звезду присобачили.

На щите красовалось изображение крылатого кентавра, вставшего на дыбы, причем на голове его был то ли колпак, то ли шапка. Видимо, когда-то щит венчала корона – ее не срубили со стены, но тщательно замазали зубцы штукатуркой. Получился выступ, похожий на вазон для цветов.

Справа возвышалась восьмигранная башня в три этажа, увенчанная зубцами, как и лицевая стена здания. Нижнее окно, видимо в целях безопасности, заложили кирпичом, оставив небольшое отверстие в левом верхнем углу.

Над правой аркой висела желтая вывеска с ярко-красными буквами «БАР». Наверняка краска была со светонакопителем, которым рисуют дорожные знаки, чтобы поздние клиенты не ошиблись адресом.

Вторая вывеска над левой аркой была выполнена в более художественном стиле. На зеленом фоне красовалась каллиграфическая надпись желтой краской: «Мини-маркет «Евгения». «Магазин имени меня красивого», – пробормотал Ковалев, припоминая слова Спиридоныча о Женьке с магбзином.

Хозяин второго этажа тоже не долго думал над названием своей парикмахерской: «Парикмахерская (черными неуклюжими буквами по красному) у Назима (зеленые буквы в восточном стиле)».

Однако при всей любви к ярким вывескам своих заведений хозяева нерадиво относились к самому зданию: во многих местах нежно-салатовая штукатурка осыпалась, обнажив белый камень и ракушечник. Как говорится, у семи нянек – дитя без глаза.

На лестнице, которая от времени не сильно пострадала, сидело трое неопрятных мужиков с лицами землистого цвета – завсегдатаи «бара-шмара». Виктор усмехнулся. Бар он представлял себе по-городскому: стойка под дерево, высокие стулья или табуретки, бармен, ловко жонглирующий бутылками. И вот такие рожи в дорогих костюмах при галстуках заказывают выпить «на троих» – смешно.

У входа в здание толстенная бабка нависала над скамеечкой с мешочком жареных семечек. Ковалев никак не мог понять, на чем торговка сидит: со всех сторон свисали тела, и, видимо, где-то в их недрах утонуло сиденье.

Когда старик шел мимо компании следом за Виктором, один из постоянных клиентов, в коричневой вытянутой футболке и драных спортивных брюках, просипел:

– Здорово, Спиридоныч...

– Здорово, Витька, – равнодушно ответил Ляпунов.

Ковалев невольно оглянулся: тезка, оказывается.

– Дело есть. Давай потолкуем, – заговорщически произнес Витька, шамкая опухшими губами.

– Да ай! – отмахнулся старик. – Все твои дела давно известны!

Пьяница еще попытался остановить Вадима Спиридоныча, но тот уже подошел к торговке и потерял всякий интерес к секретным делам.

– Доброго здоровьичка, Петровна!

– Здорово, Вадим. Куда это ты нынче пропал? Жора все колеса истер, по селу колеся. Кого только за тебя не спрашивал. Хотели уж собаками искать. – Торговка противно захихикала.

– Та тю на того Жору! – ответил Спиридоныч. – Ен же сам меня послал в Курганное за лемехами.

– Тебя бы за смертью послать. – Петровна снова рассмеялась, и троица на лестнице подхватила ее смех, сыпля шутками в адрес старика.

Спиридоныч, тихонько ругнувшись, поспешил за Виктором, который уже вошел в распахнутые двери. Местные сплетни Ковалева сейчас интересовали меньше всего.

– Не ходи туда! – завизжала следом торговка. – Манька полы моить!

Но было уже поздно. Виктор вошел в просторный холл, из которого широкая лестница вела на второй этаж. Богато жил местный помещик, отметил про себя Ковалев: пол под ногами украшала замысловатая мозаика из разноцветных не то плиточек, не то камешков.

Гость свернул направо к бару и едва не столкнулся с коренастой круглолицей молодухой со шваброй в руках.

– Тебе чего, пьянь подзаборная? Не видишь – человек пол моет! – звонким голосом возмутилась она и воинственно дунула на соломенный локон, падающий на лицо.

– Э-э-э... Простите, – промямлил Виктор, отступая назад.

– Эк ты дура, Маняшка! – вступился за приезжего Спиридоныч. – Человек усю ночь в степи торчал, чуть жив остался, а ты – «пьянь подзаборная». У, дурища!

В глазах молодухи появился испуг. Она озадаченно хлопнула ресницами.

– Все одно, – пробормотала, упрямо насупившись, – сюда не пуцу. Зайдешь через веранду.

Пришлось подчиниться.

Бар удивил Виктора не меньше, чем здание: стойка из темного дерева, деревянные полки во всю стену, уставленные разноразными дешевыми винами, наливками и водкой. Ячейки этой своеобразной витрины бликовали вставленными зеркалами. Конечно, высоких стульчиков не было. Вся мебель составляли четыре пластиковых набора, как и на веранде под арками.

– Доброго здоровьичка, Любаня! – Спиридоныч расплылся в улыбке, снимая засаленную кепочку.

Загорелая жгучая брюнетка слегка насмешливо смотрела на вошедших огромными очами цвета крепкого чая. Легкий синий топик прикрывал высокую грудь.

– Здравствуй, Спиридоныч, – небрежно ответила барменша. – Тебе как всегда – в долг?

Взгляд Виктора невольно устремился в декольте. Он кашлянул, заставил себя смотреть девушке в глаза, однако это оказалось не легче. Красивых дур он знал немало, а вот умницы тигриной породы чаще всего заставляли его трепетать, отступать, а потом злиться на себя самого за минутную слабость. Главное для Ковалева – не спасовать сразу, не испугаться, а там пойдет.

– Тю! Как можно, Любань? Я ж с кобылою, – возмутился старик на слова девушки. Она улыбнулась:

– Да вроде это конь! – кивнула на Виктора.

Спиридоныч в сердцах чертыхнулся.

– Вот как гутарить с ею? – спросил он Ковалева. – Ты ж вроде не дура, Любань?

– Вот спасибо! Вот приветил! – Девушка уперла руки в боки и воинственно произнесла: – Ты, старый дурень, или заказывай чего, или проваливай!

Спиридоныч отступил на шаг, а Виктор оперся на стойку и спокойно, медленно подбирая слова, произнес:

– Мне, пожалуйста, блок «Кэмел». – Он спрятал двадцатку в карман и положил на блюдце перед барменшей сотку, чтобы та видела деньги. – «Союз-Виктан» ноль-пять с собой и того же по сто здесь.

Ковалев имел привычку держать небольшую сумму в кармане брюк. Теперь эта привычка выручила его как нельзя кстати, и оказалось там ни много ни мало сто двадцать гривен. Для Виктора сумма небольшая, так сказать, на мелкие расходы, а для деревенских – довольно приличные деньги, при виде которых Спиридоныч крикнул, вытер ладонью рот, как после сытного обеда.

– «Виктан» – водка дорогая, – заявила барменша. – Я ее не разливаю. Хотите – берите вторую целую.

Теперь Виктор пожалел, что выложил большую купюру. Любаня разводила его и, не скрывая этого, лукаво улыбалась.

Ковалев прищурился, глядя на нее в упор, – пришлось призвать на помощь все свое самообладание, и хмыкнул:

– Две так две. Тогда и два стаканчика, пожалуйста.

Перед ним возникли пластиковые стопочки.

– Стеклянные, пожалуйста, – настоял Виктор.

Он вдруг почувствовал себя значительно смелее. Игра в разводилово начинала его забавлять.

– Кошерно! – восхитился он, когда Люба поставила на стойку невысокие стаканы с толстым дном.

– Может, тогда и поухаживаете за клиентом? – поинтересовался Ковалев, излучая самую приветливость.

Улыбка девушки слегка смялась, но она старалась держать марку.

Старик Ляпунов крикнул от удовольствия, наблюдая, как барменша наполняет его стакан.

– Ах, Вадим Спиридоныч, – вздохнул столичный гость, не сводя глаз с девушки, – как я вам завидую.

– Мене? – удивился возница. Его рука замерла на полдороге к вожаденному лакомству.

– Конечно! Вы каждый день можете видеть такую красоту.

Девичьи ресницы взметнулись, Люба в упор посмотрела на приезжего.

– Любовь, можно вас пригласить сегодня на вечеринку? – гнул свое Виктор.

Она подалась чуть вперед, давая заезжему хлыщу возможность оценить свои прелести в полной мере. Сейчас будет от ворот поворот, решил Ковалев.

– Вечеринка в нашей деревне? – Люба усмехнулась. – Это ж надо. За ваш счет?

– Ну, я же приглашаю. – И Виктор подался чуть вперед, опираясь на прилавок.

– И к кому ж приехал такой щедрый господин?

Она пахла просто великолепно. Сначала Ковалев решил, что это духи, однако очень скоро понял – так пахнет загорелая чистая кожа девушки. Темно-карие очи оказались с золотой искрой, а длинные ресницы без малейшей крапинки туши.

– К другу. Макара Зотова знаете? Мы с ним вместе служили в Мурманске.

Ее зрачки вдруг расширились, на какое-то мгновение в них полыхнуло пламя. Или показалось? Люба отстранилась, отвела взгляд.

– Знаю, – чуть кивнула она. – Знаю Макара.

Спиридоныч шмыгнул носом, напоминая о себе.

– Поехали, чё ль?

Виктор отмахнулся, увлеченный предвкушением желания.

– Ну, так придешь?

Люба глянула на него исподлобья – ресницы взметнулись крыльями. Ковалева слегка качнуло от нахлынувшей страсти.

– Приду.

Виктор почувствовал, что сейчас завертится, как щенок, от радости. Он едва сдержал себя и, развернувшись, направился к двери, однако Люба окликнула его.

– Постой. Тебе рану надо обработать. – Она сняла с полки коробочку. – Нечего кровью людей пугать. А рубашку скинь. В магазине напротив купи чего-нибудь.

Виктор невольно коснулся пореза на щеке, поморщился от боли – следует обработать, перевязать. Да и совет насчет рубашки вполне дельный.

Глава 4. Лиза

На крышах – свет, и плоский желтый домик облит желтком шафрановым. Яйцо разбилось где-то за мольбертом. Кроме закрытых окон – никого. Лицо, мелькнувшее пчелиной тенью – медом, – испуганно перед будущей грозой, висящей в небе.

Янина Грошева. Полдень

Белый домик с синими обводами окон Виктор помнил хорошо: девять лет назад по дороге со службы он гостил здесь денек.

Ковалев помнил, как они с Макаром оставили сумки на скамейке во дворе и вошли на веранду – деревянную пристройку с большими окнами, которая служила прихожей илетней столовой. Клавдия Ивановна стояла на табурете, вешая на карниз выстиранный накрахмаленный тюль. Макар снял бескозырку, не решаясь окликнуть маму, пригладил ладонью ежикволос.

– Здравствуй, мам, – тихо произнес он, когда женщина спустилась.

Клавдия Ивановна охнула, обернулась, близоруко щуря глаза.

– Кто здесь? – Сразу и не поняла, что за военные появились в ее доме. – Макарка, ты?!

– А то кто ж, – пожал плечами Зотов, радостно улыбаясь.

Виктор помнил маму Макара – невысокую женщину с проседью в висках, с добрыми карими глазами, помнил ее пухлые прохладные ладони на своих щеках, когда она на радостях расцеловала обоих.

Еще в тот день Виктора удивило, с какой скоростью в селе распространяются новости. Не прошло и получаса с их появления в Гострой Могиле, когда у ворот остановилась машина, и во двор вошел коренастый мужчина – отец Макара, Платон Федорович. Оказалось, он тоже служил на флоте, и сын подарил отцу тельняшку, которую тот надел к ужину, чтобы не отличаться от парней. Они просидели до глубокой ночи, непрерывно обмениваясь новостями и историями.

Виктор помнил, как после северного авитаминоза первая майская зелень с огорода Зотовых бойко пошла в ход, и друзья сутки питались исключительно салатами радушной хозяйки. Ковалев пускал слюни, глядя на обильные, но еще незрелые вишни-черешни, алычу и абрикос. Обещал непременно летом навестить...

Вот и навестил. Через девять-то лет. Зато как обещал – летом.

Виктор открыл деревянную калитку, ступил на бетон двора. *Май 1996* – три года назад дату красиво выписали пальцем по сырому раствору. У забора напротив веранды оставили полосу свободной земли с кустами смородины, а слева под окном, смотрящим на улицу, стояла старая черешня с обрезанной верхушкой да цвело несколько разноразных кустов роз. В памяти Виктора роз не было – может, Ковалев в первый свой приезд не обратил на них внимания, а может, их тогда еще не посадили.

У веранды на дорожке, ведущей в сад, возлежало целое гусиное семейство: большая гуска с пятью молодыми гусями и гусак, стоящий рядом на страже покоя семьи. При виде гостя птицы важно поднялись, а отец семейства, задржав оранжевый клюв к небесам, вострубил предупреждение.

– Ты, эт! Полегче! – крикнул Виктору Спиридоныч. Он предусмотрительно остался по ту сторону калитки. – Колдык, ешь-трешь, гусяра злобный!

Меж тем пернатое стадо неспешно направилося в сад, а вождь воинственно затрубил вновь, раскрыв огромные белоснежные крылья.

Из кустов смородины вдруг выскочил рябой собачонок и, обежав стороной грозную птицу, бросился на Виктора.

– Вот блин! – ругнулся Ковалев.

Щенок бегал вокруг него, норовя ухватить за штанину. Гость не столько боялся остаться покусанным, сколько опасался нечаянно наступить на маленького отважного сторожа, который юлой вертелся у ног.

Спиридоныч сипло захохотал:

– Да не пужайсь ты! Эт ж Рахвинад, чтоб ен був здоров! Тварюка безвредная!

Возница вытер слезы тыльной стороной ладони и крикнул во двор:

– Лизка! Лизавета! Ходь, гостей зустрічай!

Она появилась из-за веранды. Виктор на секунду растерялся, забыв про назойливого щенка. Девушка лет семнадцати, в синем сарафане в белый горох, убрала с лица русую прядь и настороженно взглянула на чужака ясными серо-голубыми очами. Среднерослая, тоненькая в талии, с приятными формами бедер и груди. Ковалев ощутил прилив горячей крови к своему естеству, а еще стыд и смущение, ведь это была девушка его друга. Хотя, может, и сестра, однако он не помнил, есть ли у Макара сестра. Точно – нет у Зота сестры.

– Вот, Лизавета! К твоему! – отрекомендовал Виктора старик. – Гость из столицы – Виктор... как бишь... А! Сергеевич Коваленко.

– Ковалев, – поправил гость.

– От звиняйте! Запамятовал.

Колдык гоготнул, мотая клювастой башкой – тоже мне гость, – и чинно удалился в сад. А Рафинад радостно бросился к хозяйке, всем своим видом давая понять: я хороший! Я хороший!

– Здравствуйте. – Гость протянул руку.

Лиза вытерла ладони старым передником, который все это время держала в руке.

– Здравствуйте.

Виктор осторожно пожал маленькие нежные пальчики.

– Я старый корабельный товарищ Макара. Собственно, – он смущенно пожал плечами, – приехал навестить... м-м-м... Макара.

– А его сейчас нет. На работе он, – ответила девушка, разглядывая прищельца, как показалось Виктору, с долей презрения.

Ковалев мысленно поблагодарил барменшу за пластырь на рану и за идею купить новую рубашку. Однако брюки Ковалева выглядели скверно: рваные, пыльные, с темно-зелеными пятнами от травы. Да и светлые штиблеты выглядели не лучше.

– Понятно, – произнес Виктор. – А Клавдия Ивановна? Платон Федорович?

Лиза опустила взгляд, словно решила изучить свои стройные загорелые ноги, обутые в старые шлепанцы.

– Родители уехали к старшему брату Кириллу в Чистенькое. – Она наконец подобрала нужные слова.

– Ясно. Мне бы с Макаром переговорить, – гнул свое Ковалев. – Тут такая история. Кому расскажешь – не поверят. – Он растерянно улыбнулся. – На меня напали какие-то местные бандиты на конях, машину отобрали, а там документы, деньги.

Взгляд девушки стал серьезным. Она посмотрела на Спиридоныча, все еще стоящего за калиткой. Старик кивнул, с вздохом потер ладонью подбородок, и Лиза смиловилась.

– Проходите в дом, – сказала она. – Как бы ни было, а вы гость, и вам нужно принять душ и переодеться.

Лиза убрала прядь с правой щеки за ухо, и Виктор отчетливо увидел кривой тонкий шрамик, тянущийся от уголка губ к подбородку. Впрочем, светлая полоска шрамика не портила личико, только губки с этой стороны капризно изгибались. Не портили ее и редкие коно-

пушки, почти невидимые под загаром. Но ее волосы! Русая грива отливала золотом и чудно гармонировала с чистой загорелой шейкой и открытыми плечами.

Лиза скрылась в доме. Ковалев остался стоять у веранды. За последний час ему посчастливилось увидеть двух девушек, красота которых взволновала его и охватила желанием. Ах, если бы это был город и если бы девчонки жили в разных районах! Вот тогда можно было бы покрутить.

Спиридонич наконец позволил себе войти во двор и сесть на лавочку у стены. Рафинад тут же очутился рядом, подставляя рябую спинку под добрую ладонь старика.

– Сидай, Витя, покурим, – предложил Спиридонич.

– И то дело, – кивнул Ковалев.

Щенок тоже уселся, удивленно глядя то на гостя, то на старика, которые дружно пускали дым, затягиваясь из табачных палочек. Рафинад почесал за ухом, прилег, начиная грустить: никто играть не хочет.

Из дома появилась хозяйка:

– Идемте, Витя. Покажу вам душ.

Ковалев поспешно притушил сигарету и остановился, решая, что делать с окурком на таком чистом дворе.

– Давай сюды, – деловито произнес старик. – Чойт выбрасывать полцигарки.

Сразу за домом стояло персиковое дерево, склонив облепленные плодами ветви к земле. Виктор невольно сглотнул, представляя, насколько спелы персики. Тут же росли две алычи, три черешни и кусты крыжовника с последними янтарными ягодами. Под сенью деревьев в пыли купались куры, гуси плескались в старом жестяном корыте, вкопанном в землю. Вновь завидев чужака, гусак приподнял голову, но в этот раз обошлось без крика.

– Хорошая у вас охрана, – заметил Виктор.

Лиза глянула искоса на птицу.

– Вы с ним осторожнее – у гуся сильные крылья. Может ушибить ногу.

Душевая кабинка представляла собой небольшое строение из ракушняка с двухсотлитровой бочкой на крыше. Получив все необходимое, а также новые брюки и носки, Виктор стал под сетку душа, открыл кран и с воплем отскочил – не подумал, что вода окажется такой горячей.

После купания полегчало, только ранка на щеке немного пульсировала, отчего болел правый висок и ныла скула. В остальном Виктор чувствовал себя вполне нормально. Он не спеша оделся, прикидывая на ходу, как поступить дальше. Выходило одно: надо ехать к Макару, а там видно будет.

Туфли оказались не только зелеными от травы. Внутри набилась земля и соломинки. Пришлось мыть обувь и идти босиком – зачем пачкать чистые носки в грязной обуви.

В саду Ковалев постоял немного, позволив солнцу подсушить влажные темно-русые волосы. Огляделся. Взгляд упал на каменную плиту, покрытую выбоинами и канавками. Виктор подошел ближе. Судя по всему, плита долгое время лежала в земле, однако рисунок на ней был явно искусственного происхождения. Не может быть, чтобы матушка-природа сама сотворила такое на камне. Ковалев поскреб плиту ногтем и совсем забыл о хозяине сада.

Вытянув шею, гусь тихо подкрался к чужаку и яростно вцепился в штанину, принявшись трепать ее, как бобик тряпку. Не раздумывая, Виктор замахнулся туфлями, но коварная птица быстро вжала шею и попятилась.

– Ага! – торжествовал Ковалев, наступая на Колдяка. – Попался, каналья!

В конце концов гусь сдался, раскрыв крылья, отбежал к своей семье. Несмотря на поражение, он трубил победную, подняв клюв к небу, и семья ответила хвалебным гоготом, одобрителем киванием.

Пока Виктор купался и воевал с гордой птицей, Лиза собрала на стол. Спиридоныч уже успел причаститься из небольшой чекушечки, стоящей среди мисок с салатами и двумя чистыми супниками. Запах бульона, свеженарезанной зелени отозвался в животе гостя утробным урчанием. А еще на кухне пахло сухими травами, висящими на окне, на старом буфете, и самогоном. Ковалев не удержался, чихнул.

– Будьте здоровы, Виктор... м-м-м...

– Сергеевич, – снова подсказал старику Ковалев.

– Во-во! – обрадовался захмелевший Спиридоныч и предложил, наливая из бутылочки: – Давайте, ребятки, за знакомство.

Виктор хотел было возразить: сколько можно знакомиться, однако рассудил, что с такой красивой хозяйкой грех не выпить. Пусть пока не на брудершафт.

После глотка наливочки, пахнувшей малиной и смородиной, гость принялся с аппетитом поглощать еду.

– Хочу спросить, – обратился он к хозяйке, когда почувствовал сытость. – А до Макара долго ехать? Далеко?

Лиза ничего не ела: для завтрака поздно, для обеда не время. Она пила наливочку мелкими глотками, заедая ломтиками яблочка белый налив.

На вопрос гостя она пожала плечиком:

– Километра три.

На мгновение Виктор представил, как нежна загорелая девичья кожа, когда прикасешься к ней губами. Как он целует трепещущую жилку на нежной шейке. Левую щеку щекочит душистые пряди, а под ладонью...

– К-хем... – откашлялся Ковалев, восстанавливая дыхание. – Неплохо было бы глянуть, чем Зот... то есть Макар занимается.

– Да чё там смотреть, – махнул рукой Спиридоныч. – Кузнец ен обнакновенный. Куеть да гнеть железяки.

– Вот и поглядеть бы.

Возница тяжело вздохнул: ему никак не хотелось подниматься из-за стола и ехать куда-то за три версты в такую жару.

– Давай, Спиридоныч. Поехали. – Виктора и самого начинало размаривать. Если сейчас не встать, то через еще одну стопку и вовсе не подняться.

– Ну, поехали, поехали, – пробурчал старик, напаяливая кепочку. – Вот тить нету к старости покою.

У калитки Ковалев оглянулся: Лиза стояла на крыльце, закусив нижнюю губку, с обидой и печалью в глазах провожая гостя.

Глава 5. Кузнец

*Вся в зареве горна, рука
Верна, и тверда, и метка.*

Дмитрий Семеновский. Кузнец

Макар слегка простучал откованную пластину, выравнивая небольшой изгиб, проверил на глаз – ровно – и оставил остывать на зеркале наковальни. Темно-серая окалина на заготовке стала потрескивать, разбрасывая по сторонам мелкие острые чешуйки. В этот раз Зотов не мудрил со сплавами и сваркой в пламени горна. Для кухонного ножа он взял выхлопной клапан из тракторного двигателя и разбил его на молоте. Теперь можно было передохнуть.

Кузнец вышел на улицу. День перевалил за полдень. Раскаленное добела пятно солнца, ползущее по блеклому небосклону, иссушило землю, выбелило траву, загнало все живое в норы и исказило горячим маревом горизонт.

Макар сел на лавочку в тени навеса, стащил с головы ситцевый платок и вытер им мокрое от пота лицо. Тело, будто праздничный студень, дрожало от усталости, от жара горна. После часа у наковальни августовское солнце кажется не таким уж нестерпимым, а сухостей не таким уж и сухим. Зотов упер ладони в колени, давая телу остыть и высохнуть, на минуту прикрыл глаза, наслаждаясь усталостью. Шум ветра скрыл все звуки, однако тут же легкий шорох привлек внимание Макара. Он сразу догадался, кто крадется к нему, встав на цыпочки.

– Володька, если хочешь ко мне подкрасться – не сопи, как паровоз.

Зотов открыл левый глаз. Из-за распахнутой на улицу двери кузни медленно вышел чумазый лохматый тип в старых рваных «варенках» и в стоптанных коричневых сандалиях, при этом на его худых плечах красовался почти новый светлый пиджак. Лохматый, застенчиво теребя полы одеяния, медленно семенил к кузнецу, желая, чтобы тот хорошенько рассмотрел обнову. Макар слегка удивился, откуда у деревенского дурачка такая дорогая вещь, но с вопросами не торопился.

– Ого, Владимир! Да ты теперь совсем джентльмен! – одобрительно кивнул кузнец, показывая большой палец. – Выглядишь на все сто.

Володька расплылся в довольной улыбке, повернулся спиной, а потом продемонстрировал внутренний карман – эта вещь его радовала больше всего.

В Гострой Могиле дурачка звали Волохой. Наверное, от слова «волохатый», «лохматый», а может, по какой другой причине – поди спроси людей, – только настоящего имени бомжа никто не знал, да и откуда он взялся, никто не помнил. Один Зотов звал Волоху Володькой: ущербному хватает и того, что он ущербный, так пусть хоть имя будет человеческим, рассудил кузнец. Потому к Макару дурачок испытывал братские чувства. И потому Зотов нисколько не сомневался, что обнову Волоха еще никому не показывал.

Володька вдруг спохватился, озабоченно принялся хлопать себя по бокам, совать руки во все карманы. Последнее ему доставляло особое удовольствие – он страстно любил карманы. Дурачок оттопыривал каждый из них, стараясь заглянуть внутрь, и наконец извлек из-за пазухи черную коробочку с множеством кнопок и толстенькой антеннкой.

– Ни хрена се! – невольно вырвалось у Зотова, когда он принял из рук Володьки мобильный телефон. – Эт мне, чё ль?

Дурачок закивал, тыкая грязным пальцем в грудь Макара.

– Ну спасибо, братан! Ну удружил!

Кузнец сжал чумазую ладонь Володьки.

– «Нокиа», – прочитал Зотов название аппарата и пожал плечами.

Туфта, наверное, какая-то. Не «Филипс» и не «Сони», но вещь явно недешевая. Одна незадача: в Гострой Могиле мобильник для понта – не более того. Людям такая роскошь не по деньгам, а если бы даже и был телефон у каждого, так нет связи или, как говорят, нет зоны покрытия. Прогресс все больше в городах, а в деревнях всякие штуки появляются, когда цена им в базарный день – выеденное яйцо. Кто ж знает, когда мобильная связь станет вроде радио Попова?

Ничего этого счастливому Володке Макар объяснять не стал, просто благодарил да нахваливал подарок.

– По такому случаю и перекусить не грех, – предложил кузнец.

Прерваться на обед вовремя не пришлось, зато теперь все, что Лиза собрала в тормозок, Макар выложил на газетку, которую предусмотрительно расстелил на лавке.

– Держи, брат. Твой любимый бутерброд.

При виде колбасы с сыром на ржаном хлебе у дурачка потекли слюни. Он вцепился в любимое лакомство двумя руками, но так и замер, покосился на кузнеца. Зотов ел не спеша, аккуратно чистил вареное яичко, солил щепотью, осторожно откусывал, стараясь не крошить.

Макар проделывал это перед Волохой специально. Дай дурачку волю – измажется весь с головы до ног в растаявшем сыре и крошками сверху присыплет. К тому же сам кузнец отучал себя есть, быстро набивая рот, – была такая привычка, когда одолевал голод.

Горячее дуновение прилетело со степи. Перед обедающими раскинулась Шпарева балка со всеми оврагами и отрогами. Правее на сравнительно ровном участке возвышался небольшой бугор – курган Рытый, а слева хорошо просматривался край села, примыкающий к трассе с бестолковым указателем, заманивающим нежданных гостей в овраги.

Остальную панораму Гострой Могилы с дорогой, что ведет к кузнице и на мехдвор колхоза, закрывали своими буйными кронами три ивы, растущие у водяной колонки в десяти шагах от цеха Макара Зотова.

Из-за этих деревьев и появилась понурая Маркитантка, влекущая воз.

– Оба-на. Еще сюрприз, – усмехнулся Макар. – Не иначе Спиридоныч лемеха из Курганного привез. Не прошло и полгода.

Стоило кузнецу отвлечься, Волоха тут же отхватил большой кус бутерброда и сам испугался такой выходке. Соря крошками на лацкан нового пиджака, дурачок принялся ворочать кусок во рту, опасаясь, что Макар увидит и разочаруется в нем, в Володке. Зотов заметил, но не подал вида.

– Утрись.

Одернув светлый рукав, Волоха осторожно стер слюни и крошки грязной ладонью. Макар поморщился: хорош воспитатель – руки-то не помыли.

Меж тем Маркитантка доковыляла до навеса и остановилась в тени, дрожа боками.

– Ах ты ж, сердешная, – вздохнул Зотов, тяжело вставая с лавки.

Спиридоныч лежал на возу, надвинув кепочку на лицо, и похрапывал, выдувая поток славного угара. С другого конца воза дрых Виктор Ковалев, одетый в новую рубашу в синюю клетку и камуфляжные брюки Макара.

– Тятя, тятя, наши сети притащили... – пробормотал кузнец и улыбнулся.

Он дернул Виктора за колено и крикнул так, как делали старослужащие – годки – на корабле:

– Эй! Рыба! Кому спим?

Ковалев дрогнул, быстро сел, прикрыл ладонью глаза от яркого солнечного света и сонно произнес:

– На кого буром прешь, душара?

Если прозвище «рыба» или «карась» – матрос, служащий первые полгода, – еще можно было стерпеть, то «душарами» или «духами» на флоте называли тех, кто только пришел на службу и не успел принять присягу. Форменное оскорбление, которое теперь звучало как шутка между старыми друзьями. Макар рассмеялся, хлопнул по подставленной Ковалевым ладони и потянул его с телеги. Виктор ахнул от неожиданности: рука кузнеца оказалась сухой, мозолистой.

– Полегче!

– Та ладно!

Макар едва не выбил дух из гостя, обнимая и хлопая по спине.

– Что-то меня раскумарило в дороге, – признался Виктор, когда Зотов схватил его за плечи и отстранил, чтобы лучше рассмотреть.

– Та-да, слабоват стал! Городская жизнь, кнехтом тебя...

Завозился Спиридоныч, сладко чмокнул губами, но захрапел с новой силой.

– Ну-к, милая! – прикрикнул на Маркитантку кузнец, отпустил друга и хлопнул лошадь по крупу, заставляя затащить воз под навес.

– Судя по запаху, ты уже квасанул, – заметил Макар, – вот и раскумарило. А этого в собутыльники взял? – кивнул он на храпящего Спиридоныча.

Виктор мотнул головой, отгоняя сонную одурь. Зотов вновь усмехнулся.

– Там, – указал на ивы.

– Чего? – не понял гость.

– Колонка – родниковая вода. Умыться-напиться.

При мысли о холодной воде Ковалев оживился и поспешил к колонке.

– Чудны дела твои, Господи, – пробормотал Макар ему вслед. – Кова приехал – это ж надо.

Пока Виктор плескался и пил, кузнец выбрал из сена лемеха и за работой не заметил, куда подевался Володька. На его месте остались лишь крошки да мобильник. Стеснительный он, чужих боялся, а Спиридоныча недолюбливал за его длинный язык. Зотов досадливо вздохнул: когда теперь дурачка расспросишь – где взял? Что видел? Волоха – птица вольная. Может в соседнее село утопать. В какое – поди сыщи. Везде его знают, и везде найдутся добрые люди: кто денежку подкинёт, кто пирожок в руки сунет.

Макар сходил в кузню и набрал ведро воды для лошади. В цеху у него был свой умывальник, хотя мыться он любил под колонкой. В раковине не шибко поплескаешься. Маркитантка опустила морду в ведро, не дождавшись, пока человек поставит его на землю, а Зотов, захватив пук соломы с воза, принялся обтирать мокрые дрожащие бока лошади.

– Эх ты, путешественница, – приговаривал он. – Все хозяин тебя по местным кураям¹ гоняет, покоя не дает.

Покончив с делом, Макар понюхал руки и поморщился. Теперь придется отмываться душистым мылом, иначе Лиза на порог не пустит.

У колонки испуганно воскликнул Виктор. Зотов обернулся: гость сидел на траве, закрываясь от чего-то или кого-то правой рукой.

– Мать честная! – спохватился Макар, срываясь с места. – Совсем забыл!

Виктор, подобно крабу, как мог, пятился от колонки, пока не уперся в гусеницу старого разобранного трактора. Зотову не удалось увидеть виновника переполоха, только серо-желтая тень мелькнула в траве. От сердца отлегло: самые страшные опасения не сбылись.

– Ты чё орешь?

Он помог другу подняться.

– Т-там... Ё-моё...

¹ Заброшенные, заросшие травой – кураем – места, тропы. Местный диалект.

– Хомяка испугался? Тю!

– Хомяка? С такими глазами?!

– А мож, он по нужде сидел, дулся, – пожал плечами Макар, улыбаясь. – На себя-то глянь – глазища словно плюшки.

Отряхиваясь и чертыхаясь, Ковалев вошел следом за другом в кузню.

– Вот если бы ты встретил хозяйку колонки, тогда бы орал. – Макар предложил гостю стул.

– Это еще кто?

– Степная гадюка у нас тут живет. Рот захлопни. Змеи у нас – дело обычное. Вон в балке их пруд пруди. – Зотов зевнул с завыванием, принялся мыть руки, щедро намазывая их мылом.

От спокойных слов друга Ковалева бросило в дрожь. Он ведь всю ночь провел в степи и даже спал под кустом до рассвета, ничего не подозревая.

– Извини, конечно, – повинулся Макар. – В голову не пришло, что ты чужой. Наши-то мужики все в курсе.

– И почему вы ее не прибьете? – злился Виктор.

– Так ведь другая приползет и поселится у воды. Прикармливай опять.

– Вы ее еще и кормите?!

– Ну да. – Макар опять зевнул, открывая рот во всю ширь. – Просто так не подступиться.

– А если чужой? Вот так, как я?

– Чужие здесь большая редкость. Вроде северного оленя в Африке. Ой, мама родная! Чойт я ра-аз-зевался-а-а! Ты вот что, Кова: погодь минут пятнадцать. Мне малость отдохнуть надо. Походи, погляди чего интересного. Лады?

Зотов стряхнул с рук воду, тщательно вытерся старым махровым полотенцем с изображением плюшевого медвежонка. Потом уселся на стул, вытянул усталые ноги, свесил руки и опустил голову на грудь.

Виктор знал еще со службы умение Зота высыпаться за пятнадцать минут. Матросу по первому году приходится несладко. Одна радость: найти теплое, скрытое от посторонних глаз место – шхеру – и отоспаться хотя бы полчасика, пока старослужащие – годки – не кинулись на поиски. Рано или поздно всех молодых ловили на таком грешке. Особо злостных храпунов «гасили» из пенного огнетушителя. Только Макар ни разу не попался и всегда молча пахал на корабельных работах.

Он охотно поделился своим секретом с Виктором: мол, специальная подготовка, вроде аутотренинга, которой научил его дед Федор. Ковалев первое время активно занимался, но тренировки быстро надоели. Прислушиваться к биению пульса в кончиках пальцев рук, ног и так далее – нудно и скучно.

Ковалев с завистью посмотрел на уснувшего друга, для верности провел ладонью перед его лицом. Макар спал крепким сном усталого кузнеца.

Делать нечего. Гость решил воспользоваться предложением и осмотреться. Когда еще придется попасть в настоящую кузню.

Возле двери у стены стояла железная полка, заваленная всяческим металлическим хламом, самодельными ковшками разных размеров, поршневыми гильзами двигателей. За полкой возвышался станок, видимо, гидравлический молот – блестящий от масла цилиндр заканчивался тяжелой призматической вставкой, которая опиралась на такую же призму, закрепленную снизу. Дальше – вторая полка, вдвое меньше первой. Здесь лежал мудреный инструмент: клещи, всевозможные молотки и странные железки, назначение которых для Виктора оставалось загадкой. За полкой у стены верстак и пыльный стеллаж – видимо, сюда кузнец заглядывал редко. Станок с роликами и большим штурвалом сверху, кубическая бадья с серым песком располагались у восточного большого, во всю стену, окна. В углу у горна – литые цилиндры алюминиевых болванок, гора старых поршней.

Под единым вытяжным кожухом располагалось два горна, разделенные корытом с углем. Горн справа еще дышал жаром. Виктор оглянулся на спящего, стараясь не шуметь, взял кочергу и повозился в угасающем огне, представляя себя кузнецом. Тут же решил, что надо будет напроситься к Макару в ученики, денек поработать кувалдой или даже молотом. Хотя стоять у открытого огня в такую жару, наверно, не очень приятно, но очень уж охота поработать с раскаленным железом.

Больше ничего особенно интересного в цеху не было: корыто с водой, железная мойка с краном, двойной фанерный шкаф, большой, почти под потолок, сверлильный станок да точило. Впрочем, была еще одна вещь – символ кузницы и неперемный ее атрибут – наковальня. Она, подобно бюсту героя, возвышалась над полом на широком деревянном пне. В пень была вбита скоба, на которой висели два молотка. Виктор подхватил самый большой, размером в два кулака. С уважением взвесил в руке – непросто целый день такой железякой орудовать. Вернул инструмент на место, едва не прищемив палец.

На глаза попала пара заготовок весьма интересной формы. Это были тонко откованные, изящно изогнутые железные листья и лепестки. Ковалев удивленно цокнул языком. За то время, что друзья не виделись, Макар стал настоящим мастером. Даже как-то обидно: а кто ты, Витек Ковалев по корабельному прозвищу – Кова? Менеджер крутой компьютерной фирмы. Был вчера.

Виктор достал сигарету и вышел на улицу покурить.

Взгляд невольно уперся в колонку с ивами. Что-то хитрит Зотов: та тварь совсем на хомяка была не похожа, а на змею тем более. Больно уж глаза велики да шерсть длинна. Существо скорее напоминало глазастый пучок травы с ушками, как у ежа. Может, суслик, а может... Черт его знает!

На повозке храпел и булькал Спиридоныч. Мухи вились над ним, ползали по торчащему из-под кепки подбородку, по потной красной шее, норовили залезть в уши. Вадим Спиридоныч вздрагивал, вяло отмахивался, но просыпаться не собирался. Развезло старика на солнышке.

Виктор закурил, присел на лавочку, где еще лежала расстеленная газета с остатками обеда. Где-то в мастерской работало радио. Солист группы «Руки вверх» утверждал, что нелегко быть его женою...

На мобильный телефон Ковалев сначала не обратил внимания, а когда увидел – подскокил на месте. Любопытный человек узнает свою вещь из десятка похожих: там потертость, тут шероховатость, здесь царапнул – так и Виктор узнал свою «трубу» сразу.

– Макар! – Он вбежал в кузницу, совершенно забыв, что Зот уснул.

Однако друг уже переодевался в чистое, собираясь ехать домой.

– Та шо ж вы такой беспокойный, Виктор Сергеевич? – пробормотал друг, целясь ногой в штанину. – Пугаетесь всего.

– Откуда мобильник?

– Волоха принес – дурачок местный. – Макар подпоясался и стал натягивать синюю хлопчатобумажную безрукавку.

– Откуда он у него?

– Грець его знает. Я расспросить не успел. Тут ваша персона подкатила, а Володька чужих стесняется.

Зотов закрыл шкаф и забросил за спину рюкзак, в котором что-то тихо звякнуло.

– Где его можно найти, вашего дурака?

– Ты, земля, не лютуй так, не лютуй. Ищи ветра в поле. Куда Волоха подался – одному Богу известно. Вещь, я так понимаю, твоя?

– Да, Зот, моя вещь. Я к тебе сегодня ночью приехал и свернул по указателю – черт дернул! На ваших всадников нарвался! Развели, как лоха последнего, – стыдно вспомнить. Машину забрали, а на меня – прикинь! – с луками охотились.

Макар слушал внимательно, уставившись на друга исподлобья.

– Светлые туфли ты к своему летнему костюму прикупил? – поинтересовался он, выслушав сбивчивый рассказ друга.

– Да. – Выдохшись, Виктор опустился на стул. – Я как вышел в траву – все, конец костюмчику.

– Пиджак потерял?

– В машине оставил и пиджак, и барсетник, и мобилу. – Ковалев сокрушенно покачал головой. – Зот, этот ваш Волоха точно с всадниками тусуется. Надо бы его потрясти.

Макар широко улыбнулся:

– Да уж! Волоха со всеми... Как ты сказал? Тусуется? – Он вздохнул и добавил: – Я бы и сам не прочь познакомиться с теми, кого он знает.

Виктора вдруг осенила догадка.

– А ведь ты, Зот, тоже всадников знаешь. Ты ведь единственный в округе кузнец? Лошадей-то подковывать надо. Скажешь, нет?

Улыбаясь, Зотов покачал рыжей головой, хмыкнул:

– Прямо Шерлок Холмс – «Союз рыжих», – и признался: – Скажу – да. Что дальше?

Ковалев помрачнел.

– Крепко вас тут держат. Наверное, и участковый в замаске?

Макар хрюкнул от смеха. Его карие глаза вспыхнули золотыми искрами.

– Расслабься, Кова! – Он положил горячую сухую ладонь на плечо друга. – Если твою машину забрали всадники, ее никто не вернет. Разве что Господь Бог. – Он снова вздохнул. – Ты даже представить не можешь, что у нас тут творится.

– Так расскажи, – сердито произнес Виктор, чувствуя, что его во второй раз хотят развести в деревне, в Гострой, блин, Могиле. Старый друг хочет развести! Ковалев уже сто раз пожалел, что приехал сюда, однако теперь деваться было некуда.

Взгляд Зотова стал печальным.

– Ты к нам надолго?

– Не знаю. Дома полный разлад, жена типа «ушла к маме». Безвозвратно. А тут еще машину угнали, и документы в ней остались...

– Ну и ладно. – Макар похлопал его по плечу. – Поживешь у нас, отдохнешь... М-да... Отвлечешься от своих проблем. А с машиной что-нибудь придумаем.

Ковалев видел, что друг недоговаривает. Успокаивает, подбирая правильные слова, – в глаза не смотрит.

– Поехали, – сказал кузнец, выкатывая на улицу зеленый велосипед с хромированными крыльями.

– На велике?

– Можно и на велике. «Украина» не Боливар – двоих выдержит. Только зачем упираться? Он забросил свою педальную машину на телегу.

– У нас таксомотор есть!

Зотов приподнял кепочку: физия Спиридоныча стала похожа на бурак – такая же красная и круглая.

– Извозчик! – крикнул Макар. – Кобылу угнали!

Старик разлепил мутные глаза.

– Шо? – прошамкал он, дыша перегаром.

– Кобылу угнали, говорю, – строго произнес Зотов.

– Макарка? – удивился старик. – А как ты здесь зъявился?

– Ветром надуло. Вставай, Спиридоныч, счастье проворонишь.

Кряхтя, возница сел и оглянулся.

– А я тут тебе гостя из столицы привез... – начал было он.

– Поехали взад, – махнул рукой Макар в сторону села. – По дороге разберемся, кто кого привез.

– Тю-тю-тю! Швыдкий какой! – возмутился Вадим Спиридоныч, вытер кепкой вспотевшее лицо и шею. – А кобылу напоить? А обтереть? Скотина – она ить внимания требует.

– Да ну! – делано удивился Макар. – Эй, Маркитантка! Тебя поить-тереть надо?

Лошадь оглянулась, кося на кузнеца влажным глазом, и, фыркнув, замотала головой.

– Видал, – указал на Маркитантку Зотов. – Говорит, уже не надо.

Спиридоныч сплюнул с досады, закричал недовольно:

– Вот вражья сила!

– Грузимся, – сказал Макар другу, садясь на платформу.

Старик тряхнул поводьями. Послушная скотинка двинулась в путь.

Раскаленный мир дышал жаром. Виктор старался отвернуться от могучего светила. Похоже, он немного обгорел, хотя этим летом не раз ездил на море купаться и загорать. Видимо, даже солнце здесь решило досадить Ковалеву. Ну и хорошо! Ну и ладно! Пропади все пропадом!

Вон рыжий сидит себе и в ус не дует. Говорят, рыжие боятся солнца, сильно обгорают, а Зот загорел – конопушки на лице почти исчезли, – ресницы и брови стали цвета соломы.

Макар заметил внимательный взгляд друга и подмигнул ему: мол, не дрейфь, наладится.

Глава 6. Ганс Спиридоныч Андерсен

*Рассказ мой, дескать, кончен, как ни жаль,
К чему еще идея и мораль?
А что концы не сходятся с концами —
Так в жизни тоже так. Судите сами.*

Роберт Грейвз. Черт дает советы писателю

– Как поживают в Курганном, Вадим Спиридоныч? – поинтересовался Зотов, слегка толкая друга локтем в бок.

Извозчик дернул кепочку за козырек, прикрикнул на лошадь.

– Да так же, как и везде. Как там исчо поживать можуть, – уклончиво ответил старик.

– Как там кум твой – Петро Данилыч?

– А шо кум? Хорошо кум. Работает кум, шо ему сделается?

Макар улыбнулся, подмигнул Виктору.

– У этого шельмеца машинка работает, как у молодого, – тихо шепнул другу Зотов. – Пока кум на мехдворе трактор лелеет, он кумушку обхаживает.

Ковалев удивленно качнул головой. Спина Спиридоныча напряглась, а правое ухо едва не вытянулось в их сторону в тщетной попытке услышать слова кузнеца. В конце концов старик сердито прикрикнул на «вражью силу», тряхнул поводьями.

– Кум сказывал, шо опять мужики в степи хатку видели, – как бы между делом сообщил возница. – С поля они чимчикували. Поздненько так. По балке решили навпровстець, а там... В обчим, как всегда.

– Кто-то пропал? – спросил Макар, внимательно слушая старика.

– Та не. Наши ж ужо ученые.

– Так чего ж «как всегда»?

– А того ж! Хозяйку оне видели. Вот как я тебя.

– Как ты меня? Это через правое плечо, что ли? Выходит, мужики сразу стрекача дали.

Спиридоныч в сердцах плюнул, злясь на «грамутных кузнецов».

– Что за хозяйка-то? – шепотом поинтересовался Виктор.

– Байка местная, – так же шепотом ответил Макар.

– Хе-х! «Байка»! – Возница держал ушки на макушке. – Хороша байка, када народ цезает.

Зотов усмехнулся, покачал головой:

– Ну так Расскажи гостю из столицы. Он не в курсе.

Спиридоныч повернулся к Макару, с подозрением посмотрел на него: не насмехается ли?

– Давай-давай, – подбодрил его кузнец. – И я послушаю, ехать-то далече.

Спиридоныч вытер ладонью лицо, прикрикнул на кобылу в качестве вступления.

– Ет исчо до кацапов было...

Виктор посмотрел на друга.

– До революции, – пояснил Макар.

– Шпарь – помесчик, знач, тутошний – на ноги хорошо поднялся, решил ен и балку захарланить. К рукам, знач, прибрать. От! Мужики ж оно как: покосить траву в маю, да больш ту землю стараются стороной обходить. Скотину пасли под хорошим приглядом – пастухи с кобелями сторожили. А до кургана, – Спиридоныч перекрестился, – прости Господи! не поминай к ночи – ходить боялись! Не то чтобы косить или скотину пасти. Конечно, оно раз на раз

не приходится. Кто помоложе, так им хоть кол на башке теши. – Старик оглянулся через плечо на Макара. – С такими-то шустрыми усе и приключается.

– Ага. – Зотов тяжело вздохнул. – Доля у нас такая. Нелегкая.

– Доля ваша, – сердито пробурчал возница, – на жопу интересу искать. – Он откашлялся и продолжил: – Так вот. Под поздний вечерок трое мужиков домой вертались. Батраки с Курганного, знач, до дому навпровстець. А короткая дорожка, знамо дело, напрямки через балку идеть. Тут-то оне на хатку и набрели. Переночевали бы остались, токма кожна сопля знаить, шо нет никакой хаты в степи до самой Гострой Могилы. Обошли оне ее десятою дорогой, а тута, как назло, из балки туман полез. Бредутъ, горемычные, незнамо куда. Вроде как народ гутарить, коровы мычать, знач, в село мужики двигаютъ, да села того и близко нема. Ни через час, ни через два.

Намаялись мужички, притомилися. Тут хата энта бисова из тумана появилась. Шо мужикам делать? Страшновато, так ить не среди ж степи укладываться. Заглянули в окошко единственное: никого не видать, тока стол посреди стоит, да свеча на ем горит. Собрались духом: «С нами крестная сила!» – да и вошли.

Спиридоныч вздохнул, покачал головой:

– Вошли оне, значит, и сразу на красный угол креститься, а икон-то нету. Мужичок, шо среди них старшой был, говорит: креститесь, братцы, креститесь да на стол все как есть выкладываете. Много-то у мужиков не было. Усе, шо бабы на работу давали, за день пошти съели. Осталась впрок корка хлебная, пара луковиц да картошек печеных. Вот энтю все как есть выложили на стол. Хозяйвам, знач, вроде гостинца.

Страх не страх, а мужики повалились на пол спать. Весь день ведь как заведенные косили. Не железные, чай. К утренней зорьке ближе самый молодой проснулся от того, шо его кто-то по имени кличет. Он глаза продрал, огляделся – в дверях, знач, стоит молодая женщина, в белое одетая, и рукой за собой манит. Зоветь, знач. – Спиридоныч тряхнул поводьями. – Эк, давай, Маркитантка, вражья сила!

– Так, Спиридоныч, то хлопец был или кобыла? – встрял Макар, сдерживая смех.

– Тю на тебя, Макарка! – обиделся возница. – Вот слова боле от меня не дождетесь!

– Да брось, Вадим Спиридоныч, – примирительно заговорил Зотов. – Я ж пошутил. Ты вон гостя моего совсем застрашал. – Он снова толкнул друга в бок. – Вон у парня глаза навывкате от страха.

Виктору самому впору было расхохотаться, но и дослушать историю хотелось – так дорога короче будет.

Возница развернулся всем телом к парням, с подозрением глянул на их серьезные лица.

– Не слушайте этого трепача, Вадим Спиридоныч. Продолжайте, – попросил старика Виктор. – Позвала его женщина в белом. А дальше?

Спиридоныч дернул кепку за козырек и, отвернувшись, продолжил:

– Позвала она хлопца за собой. Оторопел парняга от такого дива, да, мож, и шага не ступил бы, тока ноги сами шагаютъ след вслед за хозяйкой домика. А та вывела, знач, его из дома и дале манит за собою. Топает парень за ней. Туман – шо молоко, а хозяйка знай себе торопится, и замороженному не так-то просто поспевать... – Спиридоныч хотел было прикрикнуть на кобылу, но на полуслове поперхнулся, только вожжами тряхнул. – Хозяйка обернулась в последнее и исчезла в тумане, растворилась, знач. Слышит парняга – в селе петух прокричал. Нечисть, она вся кочета пуще пожару боится. От крику энтю туман рассеиваться стал, а хлопца приворот отпустил. Стоит посреди степи, ногами переступает, руками шевелит – радый свободе до беспамятства. Э-эх! Пшла, родимая! – по привычке крикнул Спиридоныч и покоился на кузнеца.

Макар молчал. Развалившись на платформе, он жевал травинку, погруженный в свои думы.

– Тут ен спохватился, обернулся к хатке, а та уж по крышу в землю вросла. Бросился парняга своим товарищам на выручку. Где там! Хозяйка его далече отвела, а тех двоих с собою забрала. Покуда парень бег, земля над хатою сошлась и дерном накрылась. – Рассказчик тяжело вздохнул и перекрестился: – Прости, Господи, души их грешные! – Закончив креститься, продолжил: – Паренек-то тот, знамо дело, в деревню сперва бросился за народишком. Люди ему поверили, стали шукать пропавших. Та де там! Степь, она везде одинакова – поди сыщи, под какой травой нечисть мужиков зарыла.

Спиридоныч смолк, ссутулился, словно скорбел по пропавшим душам.

– А с парнем-то шо стало? – тихо спросил Виктор, невольно подражая говору рассказчика.

– С парнем-то? А чего с ним? Барин – помещик Шпарь – не поверил ему, вызвал пристава. Сызнова искали, а посля парнягу на каторгу сослали за душегубство. Таки дела.

– А хозяйка не появлялась больше?

– Народ разное гутарит. – Спиридоныч обернулся. – Вот наши девки, кто замуж до срока не вышел, ходят до ней суженого покупать.

– За грош ломаный – дюжину, – вставил Макар и рассмеялся.

Возница в сердцах сплюнул и хлестнул лошадь.

Справа вдоль дороги потянулось нераспаханное поле, поросшее высокой, ныне сухой травой. Цикады грохотали в ней, и, казалось, не горячее марево искажает горизонт, а невидимые музыканты сотрясают воздух своей мелодией. Виктор задумался, глядя на горящее в солнечных лучах золото. Чем-то поле тревожило его, что-то напоминало. Ковалев вздрогнул, когда догадка пришла на ум: зеленая высокая трава в ночной степи! Озноб охватил его.

– М-Макар, – шепотом позвал Виктор, желая отогнать страх присутствием друга, стараясь унять стук зубов. Зотов не расслышал, а на второй призыв не хватило сил.

То тут, то там в траве стали появляться бугры, сглаженные дождями и временем. Продолговатые, едва различимые в земле, они напоминали Виктору... могилы! Старые могилы. Ковалев оглянулся – дальше стояли покосившиеся темные кресты, словно изъеденные неведомым кладбищенским зверем. Мокрая рубашка прилипла к спине. Казалось, чужая холодная ладонь легла меж лопаток, примиряя с неизбежностью: обречен, и поздно что-то менять. Живой мир ушел в небытие, и нет ничего, кроме пыльной дороги, кладбища и скрипучей телеги, влекомой понурой клячей. Телега, везущая покойника. Везущая Виктора Ковалева. Оцепенев от ужаса, он видел, как темнеет небо, надвигается сумрак и тускнеет солнце, а свет его становится неживым, электрическим.

Горячее коснулось плеча покойника.

– Что?!

– Да ничего. – Макар протягивал другу бутылку с водой. – Попей, умойся. На тебя смотреть жалко. Это жара.

– Да, жара. Спасибо, – прошептал тот, хватая бутылку обеими руками.

– Да, пожалуйста, – пожал плечами Зот. – Не смотри долго на траву – в глазах потемнеет. От слов его Виктору полегчало – пригрезилось, значит.

Было около пяти вечера, когда они подъехали к дому Макара. Жара стала спадать, солнце клонилось к западу за Шпареву балку.

– Вот спасибо, Вадим Спиридоныч! – поблагодарил Зотов, снимая с воза свою «Украину».

– Всегда пожалуйста, – пробурчал Спиридоныч, проверяя упряжь.

Когда кузнец отошел к калитке, старик горячо шепнул Виктору на ухо:

– Тот парубок – Макаркин прадед. Ен об этом никому не рассказывает.

Виктор удивленно уставился на старика. В ответ тот многозначительно подмигнул: сме-
кай, мол.

– Чего он тебе нашептал? – От Зота не ускользнул их разговор.

– Да так просто, – пожал плечами Ковалев. – Страшает все.

– Ага, и всем говорит, что тот паренек мой прадед.

Виктор хмыкнул: интриги как при французском дворе. Меньше всего хотелось встревать
в них со своими мерками.

– А разве нет?

– Доля правды в его балачке есть, но очень малая. Спиридоныч у нас известный рассказ-
чик.

– Что-то ты меня совсем запутал, Зот, – обиженно пробурчал Виктор, глядя вслед уда-
ляющейся бричке.

– Не напрягайся, Кова. Относись к старику как к Гансу Христиану Андерсену, и все будет
нормально.

Едва Макар ступил во двор, под ноги к нему бросился Рафинад. Радостно лая, щенок
вертелся у ног, и хозяину пришлось поднять собачонка на руки.

– Э нет! Целоваться не будем. – Зотов отстранился, когда Рафинад попытался лизнуть
его в щеку.

Щенок присмирел, но короткий хвостик продолжал неустанно вертеться от радости.

На веранде друзей уже ждал накрытый стол. Ароматы печеного, свежей зелени и чего-то
сладкого вскружили Виктору голову. Желудок отозвался голодным спазмом.

– Ну-ка, Рафинадус, иди гулять. – Макар отпустил собачонка во двор. – Сюда нельзя, –
погрозил он пальцем.

Щенок понял слова хозяина, порог не переступил, но и от двери не ушел, усевшись на
бетон.

Кузнец повесил рюкзак на крючок на стене.

– Хозяюшка! – позвал он, заглядывая в кухню. – В огороде, наверно, – заметил Макар. –
Тогда пошли. В душе помоемся.

Глава 7. Вечер обещал быть томным

*Легковерен женский нрав,
И изменчив, и порочен.*

Ф. Шиллер. Поминки

Петр вошел в бар, приподнял зеркальные очки. Она, как всегда, разливала местным забулдыгам водку и бросила на вошедшего беглый невыразительный взгляд. Конечно, Люба не оценила ни темно-фиолетовой рубашки из шелка, ни светлых брюк, тем более не заметила лайковых туфель с острыми носами. Петр знал – прикати он в бар на «харлее», девушка и бровью бы не повела. Однако сегодня у него было больше шансов привлечь внимание Любы не только хорошим прикидом.

Петр опустил очки и не спеша подошел к прилавку, коротко отвечая на удивленные приветствия завсегдатаев.

– Привет, красивая. – Тренировка перед зеркалом не прошла даром, но пара слов – еще не разговор. А Петр понятия не имел, о чем говорить дальше.

Равнодушный взгляд в ответ. Тонкие пальцы с черными ногтями быстро отсчитывают мелочь, темные глаза смотрят на него в упор, без выражения, как на любого другого посетителя.

– Привет. «Лонгер» с апельсином?

Приятно, что хоть это запомнила – он любил апельсиновый «лонгер». Петр замешкался: снять очки, чтобы она не подумала, будто он стесняется? Или не снимать? Пусть думает, что он спокоен и уверен в себе, что поездка к брату в Симферополь удалась, что он заработал приличные деньги и купил прикид за свои.

– Апельсин? Можно апельсин. Только не «лонгер»! – остановил он девушку и добавил с улыбкой: – Мартини. Пожалуйста.

Левый уголок алых губ насмешливо приподнялся.

– Ради одного стакана я бутылку открывать не буду, – предупредила она. – Хочешь купить полную?

Ага! Вот тут ты, красотка, попала. Петр широким жестом достал из заднего кармана портмоне из желтой кожи.

– Без проблем. – Его пальцы зависли над раскрытым «лопатником», выбирая нужную бумажку.

– Пятьдесят четыре гривны. – Ему показалось или ее голос действительно дрогнул?

Петр взглянул на девушку поверх очков – она едва сдерживала смех, оттого голос и дрожал. Он быстро поправил очки, чувствуя, что начинает краснеть. Едва сдерживая ярость, Петр большим пальцем правой руки припечатал сотню к крышке прилавка. Именно так, иначе она увидит дрожь в его руках. Люба тщательно вытерла салфеткой прозрачную бутылку со светло-салатной жидкостью, смахнула деньги.

– Сдачи не надо. – Петр тем же широким жестом вернул портмоне на место, но от волнения в первый раз промахнулся мимо кармана и чуть не выронил кошелек. – Купи себе шоколада.

Однако Любовь уже положила остаток на пластиковое блюдце.

– Боюсь испортить аппетит, – ответила она, опершись на прилавок. – Меня сегодня пригласили в гости. К Зотову приехал друг из города – бизнесмен. Зашел заказать выпивку и пригласил. – Девушка поправила волосы. – Не могу, говорит, пройти мимо такой очаровательной девушки.

Петр стиснул зубы. Резко развернувшись на каблуках, пошел к выходу, но на полпути остановился:

– Я прибую его! Вот увидишь – прибую!

– Давай-давай! – подбодрила Люба, хохоча. – Только зубы не растеряй!

На веранде в обществе друга и его любимой девушки Виктор по-настоящему понял смысл слов «согреться душой». Привыкший быстро глотать обеды в кафе и ресторанах, Ковалев взялся за еду с привычным рвением. Отбивные под плавленым сыром дразнили нос и желудок, салаты дышали зеленью.

– А картошечки пожарить можно? – спросил он Лизу во время приготовления ужина.

Девушка внимательно посмотрела на гостя, удивленная странным пожеланием. Зотов рассмеялся:

– Да, зема! Придавил тебя стольный град Симферополь! А помнишь, как мы на камбузе втихоря картофан жарили?

Виктор пошел в отказ:

– Нет, если какие-то затруднения...

Кузнец чуть не лопнул от смеха:

– Затруднения? Ха-ха! Не бойсь, Кова, у нас даже молодая картошечка есть. Сейчас Лизавета мяско запечет и в противень меленькую картошечку целой положит, а потом в духовку – пщ-щ-щ!

Гость громко сглотнул.

– Во! – Зотов оттопырил большой палец. – Во будет!

Картошка действительно удалась на «Во!». Ковалев мурчал от удовольствия, позабыв о присутствующих дамах.

– Не-тара-пись, – приостановил его Макар, наливая в хрустальные стопочки рубиновую жидкость. – Никто отбивные не съест. Кроме меня, конечно.

Зотов улыбнулся:

– Ну, давай.

– За тех, кто в море!

Во рту Виктора разлилась малиновая вкуснота, язык щипнуло кислинкой. Гость восторженно уставился на пустой стаканчик, потом на бутылку с настойкой.

– Это вино?

– Та какое вино! – отмахнулся Зотов. – Какое вино в нашей Оторвановке? Чистый самогон.

– Макар делает из местного пойла прекрасные настойки и наливки. – Лиза коснулась пальчиками руки кузнеца.

Виктор позавидовал другу, когда увидел, с какой нежностью девушка смотрит на Зота.

Ковалев решил блеснуть красноречием:

– Как человек, кое-что понимающий в выпивке, – он ничего не понимал в ней, но статус столичного гостя обязывал, – скажу так: питье сделано с любовью. Какая классная штука! Можно создавать торговую марку.

Макар хохотнул, а Ковалева охватил приступ черной зависти, подогретый алкоголем. Лиза прислонилась к Зоту, едва не касаясь пушистыми ресницами его загорелой щеки. И что в нем привлекательного? Нос картошкой слегка облупился на солнце, брови выгорели. Полные губы? Длинные белые ресницы? Пожалуй, в сочетании с карими глазами они нравятся женщинам. Но рядом с аристократическим профилем Виктора Макар выглядел простовато. Деревенщина, одним словом. И все же Ковалев никогда бы не рискнул встать на пути Зота.

Виктора всегда удивляла одна особенность взгляда друга: когда он смотрел прямо на собеседника, у человека создавалось впечатление, что у кузнеца печальное лицо, нечто от

плаксивого Пьеро. Потому многие обманывались, считая Макара трусом. Но стоило Зоту чуть наклонить голову, бросить взгляд исподлобья... Волчий яростный взгляд останавливал насмешника. А каким яростным бывает друг, Ковалев знал не понаслышке...

Полночь с 1987 на 1988 год

Над Кольским заливом стоял непроглядный туман. Так бывало, когда мороз под сорок и ниже. Час назад пробила полночь московская, провозглашая приход нового года. Виктору выпала редкая удача заступить в этот момент на трап. Понятное дело: кто же должен стоять на вахте в праздник, если не молодой карась? Макару повезло немного больше – он заступил к дизель-генератору. Шумно, зато тепло. А береговые команды – они суки. Взяли да и вырубili питание в десять вечера.

Витек вздохнул и потопал в корму корабля. На трапе – тоска смертная. Если не будешь топтать взад-вперед, время совсем остановится. Оно и так едва ползет, будто не осталось внешнего мира или стоишь на самом его краю. Справа по борту – причал с громадой портового крана, контейнеры между его рельсами. Дальше – куб одного из цехов атомбазы ледоколов. За кормой черный округлый нос с надписью: «Арктика» да рыжая надстройка над ним.

А по левому борту... Из непроглядной тьмы поднимается к темному небу стена тумана. Да и есть ли оно, небо? Ни зги не видно.

Витек доковылял до фальшборта, осторожно протянул руку. Сейчас нафантазировать можно все, что угодно, однако мысли ворочались вяло, после дня, проведенного на суматошном камбузе, страшно хотелось спать. Даже в сорокаградусный мороз, даже с громадой тулупа на плечах и шинелью под ним. Даже стоя. Ковалев широко зевнул под шарфом. Холод сушил ноздри и норовил вцепиться в горло. Витек поднял шарф выше, прошелся вокруг крышки кормового трюма.

Хоть бы снег пошел. За уборкой время быстрее движется. Он вновь остановился у левого борта. Иней на тросах топорщился рыхлыми иглами. Почему-то вспомнилась «Сказка про Машу и Витю». Хорошее доброе кино – это детство, дом, мандарины из Грузии, конфеты в цветных обертках и фольге.

Витек оперся на фальшборт. Интересно, туман только чудовищ лепить может? А вот если девчонку? Ту, которую они с Макаром видели в Кандалакше. Девочка в джинсах и синей короткой шубке. Ах, куколка! А под шубкой... М-м-м! Красота! Тепло, нежно. Она ручками за шею обнимет, прижмет к груди. А на ней лиф кружевной беленький. А под ним сосочки розовенькие.

Мороз жег щеки, сон смежил веки. Витька Ковалева качнуло вперед, в туман. Сам же он пребывал в объятиях симпатичной незнакомки.

– Стоять! – рявкнул кто-то, дергая задремавшего трапного за пояс. – Ех...ная рыба! Жить надоело? – орал человек, задыхаясь от мороза.

Витек увидел перед собой темную воду залива и почувствовал себя висящим вниз головой. Паника ударила в голову.

– Н-не дергайся, п-падл-ла! – орал Макар, едва удерживая его за пояс. Ковалев узнал моториста по голосу. – Швартовый брус, с-сука!

Меховые рукавицы соскальзывали с обледенелого борта. Если их скинуть – годок Охрим прибьет молодого карася.

– Ше-ве-лись!

Ковалев стянул рукавицы, оставаясь в шерстяных перчатках. Удалось упереться в причальный брус борта. Зотов подтянул его выше, а там и фальшборт близко.

Макар ухватил трапного за ворот, отбросил на палубу.

– Рыба ех...ная, – шипел Зотов, задыхаясь. – Кому спим?

Пошатываясь, он подошел к Ковалеву и пнул без жалости, как в грушу. Пятясь, Витек поднялся на ноги.

– О п...де замечтался, сука?

Ковалев только закрывался руками, а Зотов лупил его локтями – замерзшие пальцы не сгибались в кулак.

О происшествии на трапе никто не узнал, но с тех пор Витек Ковалев стал побаиваться рыжего моториста, хотя они и были одного призыва и оба служили в БЧ-5...

– Чего на часы поглядываешь? Вроде торопиться некуда.

– Да тут, – Виктор с загадочной улыбкой покрутил в пальцах веточку петрушки, – у вас девушек красивых – пропасть. И я пригласил одну в гости.

– Девчонок у нас красивых много – факт, – согласился Макар и накрыл своей ладонью пальчики Лизы. – Только ведь они у нас не простые.

Виктор замер, наблюдая, как просветлело лицо девушки, обращенное на кузнеца, легкая улыбка коснулась ее губ.

Во дворе залаял Рафинад.

– Вот! – Ковалев вскочил с места. – Она, наверно.

Люба уже прошла в калитку, и веселый собачонок крутился у ее ног белой тенью. Ковалев почувствовал тонкий аромат чайной розы и еще чего-то неуловимого, что можно было назвать запахом женщины.

«Моя ты, лапочка! Болваном буду, если ты от меня сегодня уйдешь».

– Привет, – негромко произнесла она.

– Привет, Люба. – Он осторожно взял ее под локоток и повел в дом.

Лизы на кухне не было. Макар сидел на своем месте во главе стола, разливая по стопкам малиновку.

– Добрый вечер, – поздоровалась Любовь.

Зотов бросил беглый взгляд на гостью.

– Привет, Люба. Заходи – гостьей будешь.

Виктор, очарованный длинными темными волосами девушки, распущенными по плечам, не замечал возникшей напряженности. Ковалев усадил гостью на табурет и опустился на свое место, не сводя глаз с загорелой гладкой шейки и ложбинки в разрезе тонкой красной блузы.

Вышедшая из комнат Лиза со стуком поставила перед гостьей чистую тарелку и стопочку.

– Давайте выпьем, – предложил Макар.

– За что? – спросила Люба.

В ее взгляде, обращенном к кузнецу, было нечто большее, чем просто внимание.

– За то, что все мы здесь сегодня собрались, – не отводя взгляда, ответил Зотов.

– Замечательно! – подхватил Виктор.

– Прекрасно! – согласилась Лиза. Она одним глотком выпила наливку, отчего у нее перехватило дух. Слезы брызнули из глаз.

– Да что же ты так, – спохватился Макар, подавая любимой стакан с компотом.

– О да! – Лиза перевела дух. – Что-то я поторопилась.

Она вытерла пальчиками слезы и улыбнулась Зотову, глотая обиду. Макар понимал ее чувства, но от Виктора это ускользнуло.

По мнению Ковалева, вечер удался. Макар принялся рассказывать о службе, о Мурманске и спасательной бригаде Северного флота, в составе которой находился их родной «Алдан» – спасательное судно ледокольного типа, построенное в Швеции. Однако надежды провести ночь с красавицей Любой пошли прахом. Когда он провел девушку до дома и уже пустил слюнки, напала странная сонливость.

Люба тихо рассмеялась, когда он обнял ее за талию и потянулся с поцелуем, а попал в шею.

– Перестань. Ты валишься с ног. – Девушка пыталась отстраниться, но из объятий не вырывалась. Такая желанная, манящая, теплая.

– Но ведь не упал, – возразил Виктор. – А если даже упаду, то только с тобой, обворожительная.

В сумраке ночи ее темные глаза превратились в огромные очи с прелестным изгибом век.

– А силенок хватит? – спросила она, и Виктору показалось на мгновение, что в его объятиях взрослая опытная женщина, прикоснуться к которой – страшное кощунство. Невольно вспомнились слова Зота: девушки в Гострой Могиле непростые.

Ковалев отступил, но Люба почувствовала настроение ухажера, обняла его за шею и произнесла привычным голосом:

– Все вы объясняетесь в любви, а потом сбегаете к таким, как Лизка.

Девушка испытующе посмотрела на Виктора в упор. И от этого взгляда душа ушла в пятки – показалось, что бестия в юбке читает его мысли, понимает порывы и желания.

– Да ладно. – Он старался казаться беспечным. – Что Лизка по сравнению с тобой. К тому же она девушка Макара.

– Болячка она его. Болячка на всю голову, – вздохнула Любовь. – А тоже ведь в любви клялся.

Ковалев рассеянно моргнул:

– Кому клялся?

– Мне и клялся.

– И... ушел к Лизке?

– Ага. Ушел.

– Дурак.

– Его проблемы. Макара жаль. Лизка ведь порченная.

– В смысле?

– Вы, мужики, действительно дураки, – вздохнула Люба. – Лет пять назад она поступила в университет – учительницей русского решила стать. А в городе, да еще в студенческой общаге, соблазнов много. Вот и пошла сестренка по рукам.

Виктор хохотнул:

– Ее можно понять – девочка вырвалась на свободу... Так погоди! Она тебе сестра?

– Ага. Родная. Мать как узнала, что доченька натворила, сразу слегла, а вскорости... не стало мамы.

– Бедная ты моя. А отец?

– Да что отец. Первый сварщик на селе. Почет, уважение, потому не может никому отказать, когда наливают, а наливают часто. – Девушка махнула рукой: да чего говорить. – Лизка после учебы явилась – не запылилась. Ну, колхозу учитель-то нужен. Дали ей домишко. Тут Макар ее и приметил.

– Бедная, бедная девочка. – Виктор прижал девушку к себе.

– Эй-эй. Я бедная, но не беззащитная.

– Какая девушка! Я не хочу выглядеть лжецом, как... как некоторые. Но я тебя ни на кого не променяю.

– Посмотрим.

Она запустила ладони в задние карманы его брюк и поцеловала Ковалева в губы. Виктор на мгновение растерялся, прикосновение к ягодицам ошарашило его, горячая волна возбуждения ударила в голову.

Когда же он очнулся, девушки рядом не было, только тихонько скрипнула дверь в доме.

Виктор остановился у открытых дверей веранды докурить сигарету. Макар по-прежнему сидел во главе стола, попивая чай. Лиза собирала грязную посуду в большой пластиковый таз. Яркий свет лампы под потолком хорошо освещал лицо и плечи, мягко падал на проворные тонкие руки с маленькими ладошками. Теперь, зная все или почти все о девушке, Ковалев взглянул на нее по-другому.

Несомненно, Лизка была похожа на Любовь, но тоньше в талии, изящнее, миниатюрнее. Впрочем, Ковалев не испытывал к девушке прежнего интереса. Обычная деревенская... дурочка, которая сорвалась, сбежав от пристального внимания родителей. Таких не соблазняют, таким наливают водки, и делай с ней что угодно. Хочешь сам, хочешь с друзьями.

Виктор щелчком отбросил окурок и вошел на веранду. Лиза отвела за ушко русую прядь – Ковалева словно окатило ледяной водой от ее взгляда.

– Стоять! – глухо произнес Зотов.

– Не понял...

– Стой на месте.

– Ты чего, Зот?

Елизавета поставила таз с посудой рядом с мойкой и, скрестив руки на груди, осмотрела Виктора с головы до ног.

Кузнец подошел к другу, взъерошил волосы на голове, словно проверяя на вшивость.

– Руки в карманы совала? – строго спросил Зотов.

– Н-нет... То есть да, но...

– Выворачивай!

Виктор достал сигареты, зажигалку.

– Ага! – Макар выхватил из его рук пачку, высыпал содержимое на стол, довольно хмыкнул: – Чисто.

Вывернутыми карманами он тоже остался доволен.

Виктор стоял на пороге дома с поднятыми руками, чувствуя себя на допросе в милиции.

– Задний карман, – признался он. – Она засовывала туда руку, – и покраснел от упоминания столь интимной подробности.

Макар осторожно извлек из кармана колечко темных волос и сунул Виктору под нос.

– Вот тебе сюрприз, – саркастически произнес Зотов.

– Чего это?

– Прядь дамы сердца, сэр Ланселот. Раздевайся, – велел он приказным тоном, зажигая горелку газовой печи. Виктор никогда не видел, чтобы волосы горели зеленым ядовитым пламенем.

– Что, блин, творится? Зот, ты, часом, не двинулся рассудком?

– Нет, но у тебя есть такая возможность.

– В смысле?

– Потом. Все потом.

Лиза достала из старого буфета водочную бутылку с винтом и налила полный стакан:

– Выпейте, Витя.

Ковалев поморщился:

– Нет. За один раз мне столько не потянуть. К тому же я и так хорошо выпил.

– Это не водка, брат. – Макар положил руку на его плечо. – Это лекарство.

– А я болен? – удивился гость.

– Сойдешь с ума, – обыденным тоном ответил Зот.

Ковалев пригубил – обычная вода.

– Пей-пей. До дна.

Виктор опорожнил стакан.

– Хорошая водичка. – Он причмокнул губами. – Теперь-то штаны можно надеть?

– Валяй. Больше сюрпризов нет.

– Чего-то я ничего не понимаю. – Ковалев застегнул брюки и накинул рубашку.

– Скоро поймешь. Айда во двор.

Ковалев взял со стола сигарету и зажигалку, последовал за другом.

На дворе совсем стемнело. Виктор затаился, выпустил дым к небу, украшенному звездной россыпью августа.

– Хорошо, – вздохнул он. – Так от чего меня лечили? И за...

Ковалев кашлянул. Тошнота неожиданно подступила к горлу.

– Ага, блин! – прошипел сквозь зубы Макар. – Вот зараза.

Ковалева трясло и давило, слезы текли по лицу, жгло носоглотку, а поток не кончался.

Когда же все прошло, он почувствовал тонкие нити, свисающие из горла.

– Терпение, брат, терпение. – Зотов потянул за них.

Виктор скосил глаза и, к своему удивлению, увидел несколько длинных темных волос.

От увиденного его скрутил новый спазм, но желудок был пуст.

– Теперь все, – вздохнул кузнец.

Виктор выпрямился, кое-как доплелся до скамьи у стены.

– Господи... Это чё было-то? – тяжело дыша, спросил он.

– Святая вода.

Ковалев внимательно посмотрел на друга.

– Ты давал ее мне? Причастил, значит. А? – Он изобразил волосы, вытаскиваемые из рта.

– Волосы – бабий приворот. Не дергайся. С тебя на сегодня хватит.

– К-как? И кто? Люба?

– Ну а кто ж. Патлы любимой не узнаешь, что ли? Привязать тебя хотела. Парень городской, видный. Бизнесмен. Сейчас на бизнесменов самая охота.

– Да пошел ты...

Виктор отвернулся. Макар с легкой улыбкой наблюдал за другом, испытывая жалость к человеку, который волей случая попал в странные обстоятельства и теперь пытается объяснить их с точки зрения собственного опыта. У Ковалева дрожали руки, от него воняло рвотой.

– Я же не глотал... это, – тихо произнес Виктор.

– В тарелку сыпанула толченых.

– И ты знал?! – Ковалев подскочил на месте. – Видел?!

– За ней уследишь! Как же! Ты же втюрился в нее с полоборота.

– Да пошел ты!

– Сам пошел! Умываться.

Виктора трясло от холода, потому самостоятельно умыться у него не получалось. Лизе пришлось поухаживать за гостем. Теплые ладони омыли лицо, шею Ковалева, а потом вытерли толстым полотенцем. Виктор с наслаждением окунулся в махровое облако, чувствуя себя маленьким мальчиком в материнских руках.

– Ну вот. Как новенький, – сказала Лиза, глядя на него грустными глазами.

– Спасибо, – тихо произнес Виктор, не отводя взгляда. Вранье!

Вранье все, что Любка наплела. Лживая сука! Тварь!

Он коснулся губами девичьей ладони, но Лиза быстро отдернула руку.

– Идите спать, Витя, – посоветовала она, отворачиваясь. – Я вам в комнате постелила.

Макар отбросил тюль, зашел в беседку, где они с Лизой обычно спали теплыми летними ночами. Он сел на постель, принялся вытирать влажную после душа голову. Девушка наблюдала за ним, прикусив нижнюю губку.

Зотов бросил полотенце на спинку стула и сидел, ссутулившись, думая о чем-то своем.

– Мак, – тихо прошептала Лиза. – Мак, может, тоже выпьешь воды?

– Перестань, мышонок. – Голос Макара был немного раздраженным. – Второй раз на те же грабли – это слишком. Тем более я сидел далеко. Будет она на виду у всех через стол тянуться.

– Ты ведь видел, как она Виктора приворожила?

Девушка говорила осторожно, опасаясь разозлить вспыльчивого возлюбленного.

– Ну видел, – после некоторой паузы ответил Зотов. Он чувствовал ее напряжение и испытывал стыд и жалость к любимой.

«Господи, неужели я такой зверь? Бедная моя мышка, прости. Прости меня!»

– Разозлился я на этого бабника – нашел, кого пригласить. А с другой стороны – Витек не виноват.

Лиза выскользнула из-под простыни, обняла за плечи, прижалась обнаженной грудью к крепкой горячей спине Зотова.

– Будет ему уроком, – заключил Макар.

Он усадил девушку на колени и заглянул в глаза, синие в сумраке ночи.

– Милая моя. – Зотов облегченно вздохнул, словно скинул с плеч непомерную тяжесть. – Моя радость. Моя любовь. Прости меня, мышонок. Я уже сотню раз пожалел, что заморочил тебе голову...

– Перестань, перестань, перестань... Я люблю тебя, люблю. – Она принялась целовать лицо кузнеца, а потом прижала к своей груди.

Макар прислушался к ее маленькому сердечку.

Будь ее воля, Лиза никогда бы непустила его в ночной поход, но он уйдет, все равно уйдет, и не спросит, и не станет спорить, и не скажет, куда направится в этот раз: в старую усадьбу ли, на курган ли. Он уйдет, потому что хочет знать, хочет видеть, пока доступна аномалия, пока темными теньями проносятся по степи всадники, пока снятся чудные сны. Уйдет, потому что потом не будет ничего, потому что дальше предстоит обычная жизнь, лишенная чудес, опасности, туманов.

Он знает, что может случиться так, что «дальше» не будет, может произойти то, чего так боится она. Может случиться так, что он просто не войдет во двор дома ранним утром измотанный, покрытый пылью и радый открытию нового прохода к кургану или найденной древней безделице. Однажды он вернулся с раной в предплечье и обломками стрелы в руке. Глаза его светились радостью – стрела оказалась скифской! Она испугалась, но не подала вида. Больше всего ее тогда потрясло то, с какой скоростью зажила рана. На нем любые раны заживали, как на собаке. Он поправлял: как на волке.

– Я люблю тебя, рыжий волк, – прошептала она.

Глава 8. «Баробаро!»

*Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Словно копье, упал между ними...*

Со слов Син-леке-уннини, заклинателя. О все выдавшем

Виктор с наслаждением опустил в чистую хрустящую постель. Тревоги и желания быстро уступили сладкой дреме. Ковалев заснул, вольно раскинувшись по дивану.

Сон Виктора Ковалева

Белоснежные, сверкающие на солнце горы поднялись из Молочного океана навстречу ладье. Они вздымались мощной преградой к самому синему небу, такому глубокому, что с ним могла сравниться лишь бездна океана под днищем корабля.

«Лед», – понял Виктор, со стороны наблюдая за происходящим, и в одно мгновение вдруг осознал себя стоящим на дощатой палубе.

– Лед, – прошептали его губы.

Человек, в плаще из перьев и в шапке из шкурки сокола с крыльями и головой птицы, обернулся к нему. Его синие глаза с лукавым интересом смотрели на Виктора.

– Рипейские горы, – сказал он.

На какое-то мгновение Ковалев вновь потерялся. «Что происходит? Кто этот человек? Где? Где я?!» Он зажмурился, пытаясь собраться с мыслями, – только сильнее закружилась голова. «Нет! Стоп! Так можно сойти с ума. Пусть все идет своим чередом».

Когда Виктор открыл глаза, синеглазый в птичьей шапке снисходительно улыбнулся.

– Увидеть Рипей – уже подвиг, – произнес он с некоторым пренебрежением.

Воины на веслах уменьшили темп. Все с ожиданием смотрели на Ковалева такими же синими и голубыми лукавыми глазами. Горбоносые, белокожие, с узлами рыжих или соломенных волос на затылках, с золотыми дисками в мочках ушей. Сильные жилистые руки гребцов крепко сжимали весла. Они не боялись дразнить грифонов и наверняка ходили к самой Великой Харе – Харе Березайти. Однако на предложение странника ответили ужасом в голосе, а потом стали пугать сказками о чудовищах Молочного океана, о бродящих по морю белых скалах, о лютых морозах и ветрах, о повелителе Вайюхе, охраняющем подступы к острову блаженных. Эти люди все время испытывают его, дерзнувшего выпытать у богов рецепт бессмертия. Да, он боится! Боится! Потому что не мог себе даже представить, какие они есть – Рипейские горы! И если это только Рипей, то какова же тогда сама Великая Хара.

Виктор вытер ладонью потное лицо. Должно быть, он смертельно побледнел, так как человек в птичьей шапке озабоченно спросил:

– Гиль-Шаш, тебе плохо?

– Степь не волнуется так под ногами, – взяв себя в руки, ответил странник. Их ладья мерно покачивалась на легкой ряби.

Ур-Шанаби понимающе кивнул.

– Горы впечатляют, – продолжил Гиль-Шаш, стараясь не показать, насколько ошеломили его Рипей, и громко, чтобы слышали все, добавил: – Однако то, что ищу я, находится за ними! Ты, Ур-Шанаби, сможешь провести туда свою ладью?

Это был вызов. Вождь мореходов громко рассмеялся и, обернувшись к своим гребцам, указал на белые громады.

– Баробаро! – крикнул он.

– Баробаро!!! – ответила ему команда четырьмя десятками глоток.

Шаман с бубном в руках стал отбивать ритм для гребцов, затянув какую-то песню.

– Баробаро! – выдыхали гребцы, налегая на весла.

– Баробаро! – звучало припевом к ритмичной песне шамана.

Гиль-Шаш просил у него бубен, чтобы рассмотреть рисунок, нанесенный на кожу, но певец не позволил даже прикоснуться. Теперь же странник хорошо рассмотрел изображение, так как шаман ходил по настилу между гребцами и разворачивал бубен лицевой стороной к чужаку, направляясь к носу ладьи. Гиль-Шаш принял это как уважение к своей персоне, признание певцом смелости и мужества странника.

Ур-Шанаби давно заметил его интерес к бубну шамана и объяснил, что тот не может ни показать рисунок, ни тем более дать инструмент в чужие руки. Это табу, ведь для мореходов странник – инородец. Однако спрятать бубен от случайных взоров певец никак не мог. А случайный взгляд – не намеренное действие, за него нет наказания. Ведь видят бубен шамана звери морские и птицы, а они тоже люди, и тоже инородцы, однако возможно ли их всех наказывать или наказывать певца за то, что он случайно показывает им тайное изображение?

Только как ни присматривался Гиль-Шаш, он не мог понять смысл рисунка. Полотно было разделено неровными полосами на четыре части, по наружной кромке изображения частоколом поднимались крыши домов.

– Это рисунок земли, в которую мы идем, – тихо подсказал Ур-Шанаби.

«Карта! – понял Виктор. – И это не крыши домов, а горы!»

– Это большой секрет, – продолжил мореход. – Шаман не показывал тебе ее, потому что твоя душа может улететь в земли блаженных через рисунок, как улетает душа певца во время камлания. Но он может вернуться, а твоя душа останется там, и без нее тело твое либо умрет, либо станет зверем, либо бессмысленной куклой, вечным рабом какого-нибудь злого чародея.

Гиль-Шаш внимательно посмотрел в синие серьезные глаза и усмехнулся:

– Не пугай меня сказками, Ур-Шанаби. Просто скажи, что чужим незачем знать дорогу к Хара Березайти.

Мореход улыбнулся в ответ:

– Ты очень смекалист, Гиль-Шаш! Неудивительно, что тебе удалось пройти полсвета и добраться до Молочного моря. Но ты идешь на верную гибель и вряд ли расскажешь о стране блаженных кому-нибудь из своих соплеменников...

Чем ближе они подходили к горам, тем больше плавучих белых скал и целых гор преграждало им путь. Ладья петляла среди глыб размером с храм Солнца и более, рискуя быть раздавленной, но кормчий умело управлялся с правилом, каким-то неизвестным Гиль-Шашу чувством выбирая правильный путь.

Когда они миновали очередную ледяную громаду, человек на мачте закричал, указывая пальцем в небо. Гребцы быстро отложили весла, схватились за оружие, притаились у дощатого настила. Тварь размером с молодого быка мягко опустилась на ладью, большие крылья ударили ветром в лицо, из орлиного клюва раздался громкий клекот, и судно качнулось. Второй зверь сделал круг над ладьей и пронзительно ответил на зов своего товарища.

Над скамьями гребцов вырос лес копий. Существо попыталось достать людей клювом, но наконечники дружно отбили первую атаку. Тварь подалась чуть назад, обиженно вскрикнув от боли, и тут же попыталась достать гребцов с правого борта лапой. Люди отразили этот удар тем же способом.

Гиль-Шаш оглянулся: оказалось, что он один стоит на дощатом настиле. Шаман с Ур-Шанаби скрылись под защитой копий, бросив его наедине с чудовищем. Но странник напрасно так плохо подумал о мореходе. Голова Ур-Шанаби появилась на корме судна.

– Эй, странник! Быстрее сюда! – крикнул он замешкавшемуся Гиль-Шашу.

Ему не хватило нескольких мгновений, чтобы спуститься в укрытие под настилом. Второй крылатый зверь преградил путь, опустившись на доски кормы. Быстрая птичья голова тут же попыталась клонуть, и Гиль-Шаш едва успел уклониться. Он отскочил к мачте, оглянувшись. Первый зверь медленно крался, заходя со спины, второй подступал спереди. Гребцы пытались колоть их копиями, но острые наконечники скользили по плотному оперению или вязли в толстом пуху. Несколько копий звери перекусили крепкими клювами, и мореходам пришлось отбивать своих товарищей, потерявших оружие. Однако все внимание тварей было приковано к незащищенному человеку, стоящему у мачты.

И тогда над Молочным океаном прозвучал протяжный волчий вой. Мир вокруг замер. Звери на мгновение отпрянули, присев на задние лапы и прижав уши, будто испуганные кошки. Такого звука еще не слышали величественные Рипеи.

Обсидиановая двухлезвийная секира Гиль-Шаша описала дугу и плашмя ударила по голове грифона, подступающего справа. Зверь слева попытался достать верткую добычу лапой, но попал когтями в мачту. Не растерявшийся странник саданул обухом по лапе, успев спрятаться за мачтой от второго зверя. Мореходы тоже не теряли времени – копы кололи грифонов в мягкие ткани, не закрытые перьями.

Гиль-Шаш крутился вокруг мачты, используя ее как прикрытие для спины. Его секира со свистом рассекала воздух, и тяжелые удары сыпались на головы и лапы тварей. Наконец зверь справа пришел в неописуемую ярость от множественных порезов. Он поднялся на дыбы, желая смять несговорчивую дичь. Улучив момент, когда чудовище поднялось почти в полный рост, Гиль-Шаш, собрав все силы в кулак, разбежался и ударил зверя всем телом. Не удержавшись на задних лапах, грифон рухнул в воду через головы гребцов.

Ладья угрожающе накренилась. Зверь слева крикнул и взлетел в воздух. Мореходы дружно выскочили из-под настила, и теперь все судно ошетинилось длинными копиями, не позволяя грифону вернуться на борт. Упавший в воду полулев-полуорел, жалобно стелая, плавал вокруг ладьи, пытаясь выбраться. Крылья беспомощно хлопали по воде, все больше намокшая. Взлетевший грифон завис над своим товарищем и, схватив его всеми четырьмя лапами, потащил в небо.

Гиль-Шаш наблюдал, как звери опустились на льдину и принялись чиститься, то, как кошки, языками зализывая раны, то отряхиваясь, будто собаки, то распрямляя клювами смятые перья, подобно птицам. Время от времени они клацали клювами и кричали, вытягивая шеи в сторону удаляющейся ладьи, на которой ликовали победители.

– Грифоны, – кивнул в их сторону Ур-Шанаби.

– Красивые, – заметил Гиль-Шаш. – Мокрый теперь погибнет?

– Нет. Они же наполовину кошки и живучи, как кошки. Горы совсем близко, долетят.

– Позовут стаю, – заметил странник.

– Не позовут, – покачал головой мореход. – Они живут парами и парами нападают. Гордые... Мы предпочитаем их избегать или отпугивать. Убивать жалко.

Он внимательно посмотрел на Гиль-Шаша:

– А ты не робкого десятка, странник. Может, тебе и повезет.

Гиль-Шаш усмехнулся. Сорок пар ясных глаз с одобрением смотрели на него. Подняв секиру в воздух, странник крикнул:

– Баробаро!

– Баробаро!!! – громынуло ему в ответ.

Глава 9. Грифон

*Когда краток твой день
и досадно, что ночь длинна,
Почему бы тебе
со свечою не побродить?*

Древний Китай. Девятнадцать древних стихотворений

Ковалев рывком сел на ложе. Руки вцепились в простыню, а перед глазами еще стояли ледяные вершины гор.

– О господи, – выдохнул он, приходя в себя.

Сон был настолько осязаемым, настоящим, что даже ладони горели от рукояти секиры и ныли плечи после тяжелого боя.

Виктор быстро поднялся и бросился на кухню. Едва не врезался в дверь комнаты – сонный дурман еще мутил сознание. На ощупь нашел мойку и, открыв кран, принялся хлебать воду. Плеснул в лицо, отгоняя смутную тревогу, растер мокрой ладонью шею.

Полегчало. Однако сумрак, сгустившийся в углах кухни, прячущийся под столом и за буфетом, пугал призраками чудовищ, когтистыми лапами, острыми клювами.

Ковалев встряхнулся.

– Нет-нет-нет. Это сон, всего лишь сон.

В окне, выходящем в сад, он заметил движение, отпрянул назад, стараясь не выдать себя. По садовой дорожке смутной тенью неспешно шел Макар, натягивая на ходу футболку.

Виктор попятился назад в комнату, быстро лег на диван и прикрыл глаза. Зотов двигался почти бесшумно. Только по шороху, по легким стукам можно было определить, в каком месте кухни он находится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.